

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR

Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, вып. 44)

П. К. Урбан

**Смена тенденций
в советской историографии**

**Мюнхен
1959**

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия Ученого Совета Института оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Herausgeber und Verleger: Institut zur Erforschung der UdSSR e.V., München 26,
Schließfach 8, Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow, München 22,
Mannhardtstraße 6, Tel. 22 06 81-84. Druck: A. Metreweli, München 5,
Frauenstraße 18, Tel. 29 54 46.

Printed in Germany

P. U r b a n

Changing Trends in Soviet Historiography

P. U r b a n

Tendenzwechsel in der sowjetischen Geschichtsschreibung

P. U r b a n

Les tendances changeantes de l'historiographie soviétique

München
1959

1. СТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНСКОГО ДОГМАТИЗМА

Говоря о тенденциях в советской историографии, в первую очередь следует иметь в виду ее основной идеологический и методологический принцип партийности и политичности. Согласно Ленину этот принцип требует от советских историков «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹, иначе говоря, защищать интересы коммунистической партии и советского государства. Этого правила строго придерживается КПСС, требующая от историков неуклонно следовать ее политике, отражая и защищая эту политику в исторической литературе². Данный принцип определяет и постоянные изменения в идеологической направленности советской историографии и в исследовательской методике советских историков, возникающие в зависимости от zigзагов политического курса КПСС и мировой политической обстановки.

В первые годы существования Советского Союза включительно до половины тридцатых годов, когда это новое государственное образование переживало еще внутреннюю и внешнеполитическую слабость и когда многие мыслящие люди в СССР верили в прочность открытых К. Марксом законов исторического развития общества, в исторический материализм, а также делалась ставка на близкую мировую пролетарскую революцию, в советской исторической науке бытовал более или менее правоверный марксистско-материалистический подход как к истории вообще, так и к истории отдельных народов в частности. Этот подход исключал всякое идеалистическое истолкование исторических событий, и советские историки занимались лишь рассмотрением общественно-экономических формаций, изучая процесс общественного развития исключительно с точки зрения борьбы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, изд. 4-е, Гополитиздат, Москва, 1941, стр. 380-381.

² Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» от 14. 11. 1938 г., КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. III, Госполитиздат, Москва, 1954, стр. 316-332; За ленинскую партийность в исторической науке (передовая), «Вопросы истории», № 3, 1957, Москва, стр. 3-19; За творческое изучение истории Советских Вооруженных Сил (передовая), там же, № 2, 1958, стр. 3-19; В. И. Ленин о партийности в исторической науке (передовая), там же, № 4, 1958, стр. 3-22.

классов и классовых интересов. Это направление было представлено М. Н. Покровским и его исторической школой, пользовавшейся безусловным авторитетом. Исходя из вышеуказанных установок, школа Покровского подчеркивала главным образом лишь экономическую сторону в истории, а также боролась с дореволюционной русской историографией, игнорируя защищавшиеся старой историографией государственно-исторические интересы русского народа и показывая историю России в неразрывном процессе империалистических стремлений русского царизма. Она поддерживала развитие национальной историографии в национальных республиках СССР, особенно в аспекте освещения колониальной политики России³. В борьбе с историческим идеализмом советские авторы отрицали роль личности в истории, рассматривая личность лишь как «аппарат, через который история действует»⁴. Исходя из ленинского определения политической функции исторической науки, школа Покровского открыто заявляла, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Это направление школы Покровского было официальным направлением советской исторической науки того времени, оно поддерживалось не только Лениным, но и долгое время также и Сталиным. Еще в 1933 г. М. Н. Покровский считался самым последовательным и ортодоксальным марксистом, поставившим советскую историческую науку на должную высоту⁵.

В этот период, особенно до 1930 г., в Советском Союзе существовала еще относительная свобода творчества, которая впоследствии была постепенно ликвидирована с введением в 1930 г. обязательного планирования научно-исследовательских работ и с громадным усилением контроля партийного аппарата⁶, а также с созданием в 1935 г. единственного направляющего центра, Института истории АН СССР. В двадцатых годах наряду с направлением школы Покровского существовали еще другие исторические школы. Более или менее свободно и независимо от Центра развивалась до 1930 г. также и национальная по своему духу и смыслу историография в советских союзных и автономных республиках. Все эти направления были ликвидированы только в последующих годах, когда они стали препятствием для проведения нового курса в национальной политике. Советского славяноведения долгое время почти не существовало, так как советская историческая наука в этот период не была политически заинтересована в славянском вопро-

³ А. Якунин, О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей, там же, № 11, 1951, стр. 83.

⁴ М. Н. Покровский, Экономический материализм, изд. 2-е, Ярославль, 1923, стр. 29-31.

⁵ Предисловие к 8-му изданию работы М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен», т. I, Москва, 1933.

⁶ Е. Х. Занкевич, К истории советизации Российской Академии наук, Институт по изучению СССР, Мюнхен, 1957, стр. 28-37; Г. А. Князев, Академия наук СССР за 30 лет, «Вестник АН СССР», № 11, 1947, Москва, стр. 122.

се. Если случайно и появлялись некоторые исследования по истории славянских народов, то они были аполитичными и носили в большинстве случаев чисто научный характер. Панславистская идея как таковая была вовсе изъята из проблематики дня. Наоборот, прежнее русское и зарубежное славянофильство и панславизм были строго осуждены как реакционные идеи и движения⁷. Здесь, конечно, нельзя не видеть влияния высказываний Маркса и Энгельса по славянскому вопросу, в частности их критики панславистских движений XIX столетия, а также, в некоторой степени, дружеских взаимоотношений Советского Союза и Германии, установленных в 1922 г. Рапалльским договором. Больше внимания уделялось народам Востока, этому важнейшему объекту советской внешней политики, рассматривавшей Восток как очередной плацдарм всемирной пролетарской революции. Об этом свидетельствуют советские мероприятия по реорганизации русского востоковедения. В целях усиленного изучения стран Востока, воспитания революционных кадров из народов советского и зарубежного Востока и проведения среди последних идеологической и политической диверсии уже в 1918 г. были основаны восточные институты в Ташкенте и Киеве, а в 1920 г. Петроградский и Московский институты живых восточных языков. В ноябре 1921 г. последний был реорганизован в московский Институт востоковедения, в котором учреждены отделения Дальнего, Среднего и Ближнего Востока и отделение языков народов Кавказа и Закавказья. Кроме того, в Москве были созданы в 1921 г. Коммунистический университет трудящихся Востока и Всероссийская научная ассоциация востоковедения, переименованная позже во Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения. По ее образцу были созданы также Всеукраинская научная ассоциация востоковедения и отделения или филиалы в Средней Азии, Закавказьи и на Дальнем Востоке. Наконец, в 1930 г. был основан Институт востоковедения Академии наук СССР на базе прежних Азиатского музея, Института буддийской культуры, Туркологического кабинета и Коллегии востоковедов Академии. Во время второй мировой войны, в 1944 г., последовала организация восточных факультетов в составе Ленинградского, Среднеазиатского, Бакинского и Тбилисского университетов. Задачи, поставленные перед советским востоковедением и научно-воспитательными востоковедческими учреждениями, с самого начала носили практический характер призыва народов Востока к революции. Создавая московский Институт востоковедения, Ленин настаивал на том, чтобы в институте было как можно больше политики. Также и от Всероссийской научной ассоциации востоковедения он требовал в первую очередь разработки проблем национально-освободительных движений, особенностей колониальной системы, форм и методов борьбы против колониализма в странах Востока⁸. То-

⁷ В. Гришко, Панславизм у советській історіографії і політиці, Інститут по изучению СССР, Мюнхен, 1956, стр. 5-111.

⁸ Н. Н. Селихов, С. А. Вельтман, Ленин и первые шаги со-

го же требовал от советских востоковедов и Сталин. Выступая 18 мая 1925 г. на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока, он призывал будущих исследователей и политических работников содействовать организации пролетарской революции в странах Востока⁹.

Однако, несмотря на подобные требования партии и их частичную реализацию в таких журналах, как «Новый Восток», «Революционный Восток» и в других органах, в общем своем направлении советское востоковедение жило в этот период еще традициями подлинной науки, дав стране целый ряд ценных научных трудов по тюркологии, арабистике, индологии, монголоведению, китаеведению, кавказоведению и т. п.¹⁰. Этому содействовало главным образом, кроме вышеуказанных объективных причин, исключительное преобладание специалистов-востоковедов старой русской школы, к которой принадлежали такие крупные ученые, как В. В. Бартольд (1869-1930), А. Н. Самойлович (умер в 1930 г.), Б. Я. Владимирцов (1884-1931), С. Ф. Ольденбург (1863-1934), Ф. А. Розенберг (умер в 1934 г.), Н. Я. Марр (1864-1934 г.) и другие.

Начиная с 1934 г. общее положение радикально изменилось. В эти годы были изданы постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. и «На фронте исторической науки» 1936 г.; «Замечания товарищей Сталина. Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников по Истории СССР и Новой истории» 1936 г.; постановление Жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы от 22 августа 1937 года¹¹; решение ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“ от 14 ноября 1938 г.¹². Эти постановления осудили прежнюю методологию и идеологические направления в советской исторической науке. В национальных республиках также были изданы специальные постановления ЦК республиканских коммунистических партий и обнародованы отдельные директивы по борьбе с проявлениями так называемого буржуазного национализма в историографии этих республик. ЦК ВКП(б) и лично Сталин наметили новые пути и задачи советской исторической науки. Прежде «правверный» марксист М. Н. Покровский и его школа были обвинены теперь в антимарксизме и ликвидаторстве в отношении исторической науки как та-

ветского востоковедения, «Советское востоковедение», № 2, 1958, стр. 21-22.

⁹ И. В. Сталин, Соч. т. 7, Госполитиздат, Москва, 1947, стр. 133-152.

¹⁰ В. А. Рязановский, Из истории научного востоковедения в СССР, Вестник Института по изучению СССР, № 3 (24), Мюнхен, 1957, стр. 57-79.

¹¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917-1947 гг., вып. 1, Издательство Академии педагогических наук РСФСР, Москва-Ленинград, 1947, стр. 170-171, 182-184, 184-188, 196-202.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. III, стр. 316-332.

ковой. Именно, они обвиняются в проповедывании экономического, а не исторического материализма, в сведении исторической науки к голой, схематической социологии, в искажениях отечественной истории и в защите троцкистско-бухаринских концепций¹³. Исследования же историков национальных республик по истории своих народов в большинстве случаев были изъяты из употребления, а их авторы, как и многие представители школы Покровского, или были физически уничтожены, или сосланы.

Согласно последовавшим новым идеологическим установкам советская историческая наука должна была 1) от абстрактного освещения общественно-экономических формаций перейти к конкретному изложению истории в ее хронологической последовательности с учетом деятельности исторических лиц; 2) освещать историю русского народа в неразрывной связи с историей других народов, населяющих территорию СССР, с общеевропейской и мировой историей, отражая при этом влияние западноевропейских революционных движений и мышления на формирование философской мысли и революционных движений в России; 3) указывая на контрреволюционную роль русского царизма («Россия—тюрьма народов»), всесторонне освещать и показывать значение Октябрьской революции как в освобождении самой России от ее полукOLONиального положения, так и в освобождении ее народов от национального гнета; 4) показывать на основе исторических фактов, что покорение Россией нерусских народов не было для них абсолютным злом, как это утверждал М. Н. Покровский и его школа, но лишь «наименьшим злом»; 5) показывать, что Советский Союз является оплотом социалистических завоеваний и преобразований в мире и что ему чужд пацифизм, если вопрос стоит о «справедливой войне»; 6) уделять больше внимания колониальному вопросу, особенно в странах Азии; 7) в освещении исторических событий исходить из принципа коммунистической партийности и политических интересов Советского Союза. В области отечественной истории советская историческая наука должна была также покончить с «норманской» теорией образования Киевской Руси, защищать рост Российской империи и активность ее политических деятелей в согласии с общими и неизбежными историческими законами развития общества и государственности; реабилитировать культурные достижения русского народа в прошлом и выявлять исключительную историческую роль русского народа как в истории народов СССР, так и в истории всего человечества¹⁴. На этих путях советская наука была возвращена на путь идеалистического истолкования истории и исторических событий, о чем свидетельствует и рождение советского историографического патриотизма, стремление исторически обосновать существова-

¹³ Против исторической концепции М. Н. Покровского, Сборник статей, Академия наук СССР, чч. 1-2, Москва-Ленинград, 1939.

¹⁴ Там же.

ние Советского Союза и выделить Советский Союз с русским народом во главе на особое положение с высоким историческим назначением. С ликвидацией творческой свободы и свободы мысли, она была превращена одновременно в слепую служанку партийной идеологии, в оружие политики партии.

К этому времени относится также возникновение советской заинтересованности славянским вопросом. Предпосылкой советского панславизма и славянофильства была общая идеологическая и политическая направленность СССР, но решающим толчком явился приход Гитлера к власти в Германии в начале 1933 г. Именно, во время работы XVII съезда ВКП(б) в 1934 г. Сталин впервые обратил внимание партии на нацистскую дискриминацию славян. Первым практическим противодействием со стороны Советского Союза было заключение 16 мая 1935 г. пакта с Чехословакией о взаимной помощи. Отражением этого политического шага на историко-идеологическом фронте было решение Президиума Академии наук СССР 1938 г. о коренной реорганизации, по существу об основании, советского славяноведения. Это решение и осуществилось в следующем 1939 г. через организацию при Институте истории Академии Сектора славяноведения, а при Московском университете кафедры истории западных и южных славян¹⁵. Осенью того же года Советский Союз оккупировал Западную Белоруссию и Западную Украину, а с 1940 г. активно действует на Балканах, стремясь привлечь на свою сторону Югославию. Советская историческая наука со своей стороны делает первые шаги в поисках славянского единства, что уже отражается в труде академика В. И. Пичеты «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии», изданном в 1940 г., а также в учебниках по истории западных и южных славян. Во время второй мировой войны, в августе 1941 и в апреле 1942 гг., были созваны в Москве первые съезды славянских народов, образован Всеславянский комитет, переименованный затем в Славянский комитет СССР, и основан печатный всеславянский орган «Славяне». Позже, летом 1942 г., при Президиуме Академии наук была учреждена Славянская научная комиссия для изучения истории славянства. На базе этой Комиссии и ранее созданного при Институте истории Сектора славяноведения в конце 1946 г. был организован Институт славяноведения, начавший свою работу как научно-исследовательское учреждение с 1 января 1947 г. Всеславянскому комитету, Славянской научной комиссии, а затем и Институту славяноведения было поручено не только ведение анти-немецкой пропаганды среди славянских народов, но и научное обоснование пропагандируемого славянского единства, которое должно было быть достигнуто в духе неоднократных замечаний Сталина о русском народе, и особенно в духе его тоста 24 мая 1945 г. за «вели-

¹⁵ В. И. Пичета, Проблематика Института славяноведения, «Вестник АН СССР», № 5, 1947, стр. 3-5. До тех пор кафедра славянской филологии существовала при Ленинградском университете и возглавлялась акад. Н. С. Державиным.

кий русский народ и его ясный ум». Иными словами, это «славянское единство» должно было быть сведено к славяно-русскому единству во главе с русским народом, что, между прочим, и отразилось не только в публицистических статьях журнала «Славяне», в «Кратких сообщениях Института славяноведения», «Ученых записках Института славяноведения», но и в других журналах исторических институтов Академии наук СССР. Сюда относятся также многие научные труды того времени, как «Культура Киевской Руси» (Москва-Ленинград, 1944), «Борьба Руси за создание своего государства» (Москва-Ленинград, 1945), «Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола» (Москва-Ленинград, 1948) академика Б. Д. Грекова; «Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов» (Москва, 1946) академика В. И. Пичеты; «Племенные и культурные связи болгарского и русского народов» (Москва-Ленинград, 1944), «Славяне в древности» (Москва, 1946), «История Болгарии» (в 4-х томах, Москва-Ленинград, 1945-1948), «Христо-Ботев, поэт-революционер» (Москва-Ленинград, 1948) академика Н. С. Державина; «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века» (Москва, 1947) академика М. Н. Тихомирова и другие.

2. ПЕРИОД ПРОЦВЕТАНИЯ СТАЛИНСКОГО ДОГМАТИЗМА И СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Во время второй мировой войны и особенно в послевоенные годы советская историческая наука все более и более приобретает характер политико-пропагандной литературы, становясь, политически и научно, вполне субъективной и резко агрессивной, следуя за возрастающей политической агрессией Советского Союза. И это не только в славянском вопросе, но и в отношении народов Востока и Запада, их истории и особенно в отношении западной историографии. Наступает эпоха процветания советского патриотизма в советской историографии, порожденная политическими успехами Советского Союза, его стремлениями распространить свое влияние на весь мир, усилиями партии укрепить свою позицию в оккупированных странах Средней Европы. Начало этой эпохи было положено замечаниями А. Жданова (по существу — Сталина) 1947-1948 гг., высказанными в связи с осуждением работы Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»¹⁶ и оперы В. И. Мурадели «Великая дружба»¹⁷. Перенесенное на фронт исторической науки, это новое идеологическое направление,

¹⁶ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», Госполитиздат, Москва, 1952.

¹⁷ Он же, Вступительная речь и выступления на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г., Госполитиздат, Москва, 1952.

предусматривавшее еще большую идеализацию пригодного большевизму культурного наследия русского народа, роли Советского Союза и русского народа в истории человечества, было изложено в начале 1949 г. в одной из директивных статей в журнале «Вопросы истории»¹⁸, а потом на заседании Ученого совета Института истории Академии наук СССР 24-28 марта того же года¹⁹. 29 марта 1950 г. уже было принято Президиумом Академии наук СССР специальное постановление, предусматривавшее коренную перестройку работы советских историков в духе наметившихся новых идеологических установок.

В чём же заключалось это идеологическое перерождение или новое явление советского историографического патриотизма? В первую очередь последовала острая борьба с «космополитизмом» в историографии, который якобы принижал роль Советского Союза, роль русского народа. в истории человечества, в его культуре и цивилизации. Другими словами, был поставлен вопрос о наделении Советского Союза и русского народа качествами избранных историй. В связи с этим были определены новые концепции исторической избранности отдельных наций, в данном случае русского народа, и так называемой социалистической культуры. Первая из них, в противоречии с прежними утверждениями о равноценности всех наций и народов в истории, теперь гласила: «Большевистский интернационализм не означает отрицания различия в роли, которую играют отдельные нации и национальности в развитии общества, в истории мировой цивилизации. Каждая нация вносит свой вклад в дело человеческого прогресса, однако различный по своей значимости. В силу многообразных исторических причин разные народы играли и играют различную роль в истории прогрессивного преобразования общества. В последовательном движении человеческого общества на долю великого русского народа выпала роль ведущей мировой нации, с именем которой связаны все решающие этапы в истории мировой культуры»²⁰. Вторая концепция в свою очередь утверждала, что «советская социалистическая культура строится на основе богатейшей культуры русского народа»²¹. Должно ли это обосновывать то положение, что «космополитизм враждебен советскому народу, его культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию»?²² В таком случае получается какой-то парадокс в понимании космополитизма и «социалистической куль-

¹⁸ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии (передовая), «Вопросы истории», № 2, 1949, стр. 3-13.

¹⁹ Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24-28 марта 1949 г., там же, № 3, 1949, стр. 152-155.

²⁰ М. Ким, Вопросы создания и развития социалистического многонационального государства в трудах И. В. Сталина, там же, № 3, 1949, стр. 30; О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии (передовая), там же, № 2, 1949, стр. 6.

²¹ Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24-28 марта, 1949 г., там же, № 3, 1949, стр. 152.

²² Там же.

туры», в содержании которой уже должны быть заложены ростки космополитизма. Эти две партийные установки, открывавшие путь к национальной дискриминации, обязывали теперь советских историков заняться в первую очередь: 1) пересмотром прежних концепций советской исторической литературы, относящихся к истории русского народа и советского общества; 2) изучением прошлого русского народа и в особенности его культуры, раскрывающей, как говорилось в решениях Ученого совета Института истории Академии наук СССР, «роль и значение великого русского народа в развитии науки и культуры человечества»; 3) освещением международного характера Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР; 4) освещением роли Советского Союза в борьбе с «мировой реакцией»²³. Другими словами, советские историки призывались заняться идеализацией исторического прошлого русского народа, относя возникновение его государственности в весьма далекое прошлое, к V-VI векам, и создавая миф о самобытном характере его культуры, свободной от византийских и западноевропейских культурных заимствований. В общеславянском вопросе они были обязаны пересмотреть прежние теории славянского этногенеза и общности, представляя славян автохтонами Висло-Днепровского двуречья, самобытными в историческом развитии (славяне, например, миновали рабовладельческий строй), жившими в культурном и чуть ли не в политическом единстве, к которому они всегда стремились. Во внутренне-национальном вопросе советским историкам вменялась обязанность еще более усиленная борьба с проявлениями «буржуазного национализма» в исторической литературе нерусских народов, что приводило к всевозможным искажениям национальной истории. Вместе с тем советские историки должны были заняться «разоблачением» западной историографии, как искажающей историю Советского Союза и русского народа, советскую социальную систему и политику, а также «разоблачением» западного «империализма», и в первую очередь «американского империализма». С другой стороны, советские историки были призваны освещать перед миром «гуманные» стремления Советского Союза, его «подлинно народную» социальную систему и национальную политику и вместе с тем исторически обосновать социалистическое единение народов по советскому образцу и во главе с Советским Союзом²⁴.

В результате этих идеологических директив последовало в первую очередь партийное осуждение большого количества ведущих советских историков. В космополитизме, антипатриотизме, в преклонении перед западноевропейской историографией и культурой, потом в «марризме» и иных недолжных течениях были обвинены академики А. М. Деборин, Н. С. Державин, И. Ю. Крачковский, С. Б. Веселовский, М.

²³ Там же, стр. 154-155.

²⁴ М. К и м, указ. статья, стр. 14-41; М. К а м м а р и, Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации, там же, № 12, 1949, стр. 65-88.

Н. Тихомиров, Е. А. Косминский, И. И. Минц, профессора Н. Л. Рубинштейн, О. Л. Вайнштейн, К. В. Базилевич и др.²⁵ Многие ученые были отстранены от занимаемых должностей особенно от должностей заведующих отдельными секторами в исторических институтах, редакторов или членов редакционных коллегий отдельных изданий и журналов. Впоследствии они вынуждены были выступать в печати с признанием своих ошибок, а также перерабатывать свои труды, приближая их к духу времени. Не избежал такой участи и академик Б. Д. Греков, являвшийся на протяжении долгого времени идеологическим руководителем советской исторической науки и сторонником антинорманской теории образования Киевского государства, а также автором работ о Киевской Руси как крупном и более или менее централизованном государстве, о ее феодальном строе, о самобытной культуре восточно-славянских и вообще славянских народов, о переходе славян от первобытного строя к феодальной формации, минуя рабовладельческий строй. Он должен был также более точно формулировать свои концепции, особенно касающиеся генезиса феодализма и возникновения Киевской Руси, относя зарождение одного и другого к VI-VIII векам²⁶.

Вторым последствием было осуждение «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра с его социологическими элементами. Это учение, видевшее в языке лишь неустойчивую надстройку над базисом и отрицавшее бесклассовый и национальный характер языка, семейную родственность языков и сравнительно-исторический метод в изучении языков и народностей, явилось теперь препятствием не только к славянскому единству и к признанию самобытности исторического развития славянских народов, но и в области истории русского языка и русской культуры. Как известно, это учение было осуждено в работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 года), а затем вовсе отклонено. Стадиальная теория академика Н. Я. Марра об образовании языков и развитии народностей, видевшая также и в славянских образованиях стадиальных наследников более ранних неславянских народностей, была заменена теперь новыми концепциями происхождения славян, их языка и культуры, явившихся результатом не скачкообразных преобразований и скрещений, а длительного и постепенного исторического развития. Последние положения получили особое развитие в труде П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена», переработанном и вновь изданном в 1953 г.²⁷

Третьим последствием было повторное осуждение формулы «абсолютное зло», приписанной М. Н. Покровскому, а затем и сталинской формулы «наименьшего зла». Дискуссия вокруг этих формул разгорелась еще в 1951 г.²⁸, т. е. во время заострения нивелировки

²⁵ Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24-28 марта 1949 г., там же, № 3, 1949, стр. 152-155.

²⁶ Б. Д. Греков, Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке, там же, № 5, 1952, стр. 31-43.

²⁷ П. Н. Третьяков был назначен в 1951 г. директором Института славяноведения АН СССР взамен Б. Д. Грекова.

²⁸ М. В. Нечкина, К вопросу о формуле «наименьшее зло» (пись-

истории нерусских народов в пользу истории русского народа, а затем они получили окончательное осуждение на XIX съезде КПСС в выступлении представителя Азербайджанской КП М. Д. Багирова²⁹. Согласно новым установкам присоединение нерусских народов к России и их включение в состав Русского государства в дальнейшем должны были признаваться прогрессивным явлением, а национально-освободительные движения нерусских народов реакционными, буржуазными или делом иностранной агентуры. Так, ЦК ВКП(б) 10 августа 1950 г. официально осудил национально-освободительное движение на Кавказе под руководством Шамиля. Что касается истории самой России, то теперь советские историки должны были устранить из советской исторической науки даже такие термины, как «завоевание» и «покорение», подменяя их выражениями вроде «добровольное присоединение» и «добровольное вхождение»³⁰.

Кроме того, последовали также коренные изменения в советских отношениях к историкам и историографии стран-сателлитов, особенно славянских. Если до сих пор так называемое славянское единство и единство социалистического лагеря пропагандировались преимущественно советскими историками, то теперь партия решила привлечь к этой работе также историков и историографию стран «народной демократии». На созванном в Москве в октябре 1950 г. совещании советских и польских историков последние вынуждены были осудить «пороки» прежней польской историографии, т. е. ее научное наследство и национальные традиции, защищаемые ею национальные особенности в историческом развитии польского народа и даже интересы этого народа, которые угрожали бы «единому потоку» общих стремлений русского и польского народов. С другой стороны, опираясь на советский опыт и образец марксизма-ленинизма в советской исторической науке, они обязывались: а) вытеснить из исторического сознания «ядовитые идеологические концепции» о роли Востока и Запада в истории Польши; б) показать «гигантскую историческую роль» русского и других славянских народов в истории польского народа; в) разоблачить «захватническую, авантюристическую политику польских феодалов и магнатов» по отношению к русским землям и их вмешательство в дела русского народа в начале XVII века; г) признать решающую роль для исторических судеб польского народа за той частью Польши, которая, после разделов Польши в конце XVIII века, входила в состав России; д) признать, что Октябрьская революция была

мо в Редакцию), «Вопросы истории», № 4, 1951, стр. 44-48; М. Мустафаев, О формуле «наименьшее зло», там же, № 9, 1951, стр. 97-101; Н. Тавакалян, По поводу письма М. В. Нечкиной «К вопросу формуле «наименьшее зло», там же, № 9, 1951, стр. 101-107; А. Зевелев, Ш. Абдуллаев, Дискуссии о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период, там же, № 9, 1951, стр. 173-178; А. Якунин, указ. статья, там же, № 11, 1951, стр. 83-86.

²⁹ Речь М. Д. Багирова на XIX съезде КПСС, «Правда», 7. 10. 1952.

³⁰ В Институте истории АН СССР, «Вопросы истории», № 11, 1952, стр. 149-156.

основной предпосылкой возрождения польского государства в 1918 г; е) признать, что дружба и союз с СССР, его «всесторонняя и самоотверженная помощь» являются решающими условиями безопасности и мощи страны, первым условием построения социализма в Польше³¹. Из польской национальной историографии должно было исчезнуть таким образом все, что напоминало о враждебных отношениях, на протяжении столетий, России к Польше и наоборот. Теперь должно было писать об «освободительных» намерениях и действиях. Для проведения подобной операции в польской исторической науке уже в 1949 г. в Польше было создано особое «Марксистское объединение историков», отчасти напоминающее «Общества культурных связей с СССР», организованные советским правительством во всех странах «народной демократии» и даже в странах свободного мира. Эти предписания, данные польским историкам, обязывали также историков и других стран «народной демократии», за исключением историков Югославии, которая не согласилась следовать советскому опыту, а поэтому была вовсе исключена из социалистического лагеря.

К концу сороковых годов относится также и реорганизация советского востоковедения, совпадающая с политическими изменениями в пользу СССР на Востоке. Еще в сентябре 1947 г. был образован при восточном факультете Ленинградского университета особый научно-исследовательский институт, существовавший до 1 марта 1950 г., или до реорганизации работы ленинградского Института востоковедения Академии наук СССР. В 1949 г. произошла коренная реорганизация структуры и работы восточного факультета Ленинградского университета, предусматривавшая установление теснейшего контакта между филологическими и историческими дисциплинами в преподавательской и исследовательской работе. В связи с этим кафедра истории колониальных и зависимых стран, существовавшая с 1934 г. при историческом факультете, была передана в ведение восточного факультета и реорганизована. Были также созданы кафедры истории Дальнего и Ближнего Востока и истории древнего Востока, и, кроме того, девять филологических кафедр: китайской, корейской, японской, монгольской, индийской, иранской, арабской, тюркской филологии и африканистики. С осени 1955 г. на факультете было введено также преподавание истории и языков Вьетнама и Индонезии³². Реорганизация советского востоковедения вообще и работы Института востоковедения Академии наук СССР в частности были проведены согласно решению Президиума Академии наук СССР от 1 июля 1950 г. Причиной, толкнувшей советское правительство на эту реорганизацию, было то, как

³¹ Совещание советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР 3-4 октября 1950 г. См. выступление польского историка Ж. Кормановой и др., «Краткие сообщения Института славяноведения», №№ 4-5, Москва, 1951, стр. 16 сл.

³² А. Н. Кононов, Столетие восточного факультета Ленинградского университета (1855-1955), «Советское востоковедение», № 2, Москва, 1956, стр. 88-89.

указывалось в решении, что прежнее развитие советского востоковедения и работа востоковедческих научных учреждений не дали стране крупных научных трудов по актуальным вопросам востоковедения, т. е. не отвечали тем задачам советского востоковедения, которые от него требовались новыми политическими изменениями на Востоке. «В дни, когда на Востоке происходят события всемирно-исторического значения, когда кризис колониальной системы империализма принял небывало острые формы, отставание советской науки от актуальных проблем востоковедения нетерпимо»³³. Институт востоковедения Академии наук СССР из Ленинграда был переведен в Москву. В нем были учреждены следующие секторы: Китая, Монголии и Кореи, Турции и арабских стран, Юговосточной Азии, Японии, Индии и Афганистана, Ирана, Советского Востока и сектор восточных рукописей. Кроме того, в конце 1953 г. был создан сектор языка и литературы народов Индии и Юговосточной Азии. Как сказано выше, с самого начала последовавшей реорганизации советского востоковедения на восточном факультете Ленинградского университета были учреждены кафедры различных восточных языков и филологии, а также истории отдельных восточных народов, целью которых была успешная подготовка будущих востоковедов. С 1950 г. этой задачей занялось также и Восточное отделение Московского государственного университета³⁴. Реорганизованный Институт востоковедения в свою очередь был обеспечен соответствующими кадрами из числа аспирантов столичных университетов³⁵.

После же XIX съезда КПСС, когда еще более усилилось партийное давление на советских востоковедов, была открыта при Институте востоковедения собственная аспирантура, а также приняты соответствующие меры к укреплению его научными кадрами иным путем³⁶. Таким образом, уже в 1954 г. по количеству аспирантов Институт востоковедения стоял на первом месте среди всех гуманитарных институтов Академии, насчитывая в своих стенах 117 аспирантов. Одновременно его научные кадры пополнялись также экономистами и филологами, переведенными из других научных учреждений³⁷. Объединив в своих стенах основные кадры специалистов-востоковедов, Институт востоковедения Академии наук СССР призван был возглавить всю работу по коренной реорганизации советского востоковедения и

³³ Перспективный план работы Института востоковедения АН СССР в ближайшее пятилетие (передовая), «Краткие сообщения Института востоковедения», № 1, Москва, 1951, стр. 3.

³⁴ К. В. Кукушкин, А. В. Меликсетов, Научная работа на отделении Востока Московского государственного университета, «Советское востоковедение», № 2, 1955, стр. 166-168.

³⁵ О плане научно-исследовательских работ Института востоковедения, «Вестник АН СССР», № 6, 1951, стр. 90.

³⁶ О научной деятельности и состоянии кадров Института востоковедения, там же, № 4, 1953, стр. 77.

³⁷ О работе Института востоковедения АН СССР, «Вопросы истории», № 9, 1954, стр. 172.

по координации деятельности всех советских востоковедов и других востоковедческих научно-исследовательских учреждений страны. После реорганизации в перспективном плане его работы на первое пятилетие предусматривались: а) изучение истории, экономики и культуры «демократических» стран Востока; б) изучение языков и литератур восточных народов; в) изучение истории и литературы народов советского Востока; г) исследование классовой борьбы в рабовладельческом и феодальном обществах Востока; д) изучение новой и новейшей истории восточных стран и кризиса колониальной системы на Востоке. Кроме того, предусматривалось издание различных справочников, словарей и учебников по ориенталистике и очерков истории русского востоковедения³⁸. В своих исследованиях при оценке событий советские востоковеды были обязаны исходить из общих идеологических установок советской исторической науки этого времени и придерживаться принципа советского патриотизма. В освещении и оценке национально-освободительных движений в странах Востока они также должны были исходить из указаний Сталина по национально-колониальному вопросу³⁹, представляя пролетариат и его коммунистические партии единственными подлинными борцами за национальную свободу и независимость народов и рассматривая национальную буржуазию и другие националистические элементы как предателей национальных интересов этих народов.

В общее направление советской исторической науки XIX съезд партии фактически не внес каких-либо новых и конкретных идеологических изменений. Он только более точно определил ее прежний принцип советского патриотизма, выдвинув на первый план разработку проблем современности и усилив нападки против Запада. В связи с этим был разработан также и план научно-исследовательской работы советских историков. На первое место были выдвинуты теперь: а) изучение основных этапов и закономерностей исторического развития народов СССР; б) изучение истории пролетариата и крестьянства СССР; в) освещение прогрессивной роли России в истории человечества, в истории науки и культуры, в развитии международного революционного движения; г) выдвижение ведущей роли русского народа в семье народов СССР; д) исследование истории борьбы Советского Союза за укрепление мира между народами, за их безопасность, за мирное сосуществование двух систем. В области изучения всемирной истории главное внимание обращалось на вопросы новой и особенно новейшей истории, а именно, по официальной терминологии, на возникновение и развитие общего кризиса капитализма; усиление реакции во внутренней политике империалистических государств и усиление агрессии в их внешней политике, особенно в политике США;

³⁸ Перспективный план работы Института востоковедения АН СССР в ближайшей пятилетке, «Краткие сообщения Института востоковедения», № 1, 1951, стр. 4-16.

³⁹ О плане научно-исследовательских работ Института востоковедения, «Вестник АН СССР», № 6, 1951, стр. 89.

развитие международного рабочего и коммунистического движения, борьбу демократических и революционных сил против сил реакции и фашизма; образование в результате второй мировой войны лагеря социализма и демократии; процесс распада колониальной системы империализма и подъем национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран; разоблачение американско-английских и иных фальсификаторов истории и антимарксистских, космополитических и буржуазно-националистических концепций и ошибок⁴⁰. Советские востоковеды призывались немедленно приступить к «разоблачению западного колониализма» в странах Востока и к усиленной борьбе против «лженаучной фальсификации буржуазной ориенталистики»⁴¹.

В только что рассмотренном направлении советской исторической науки нельзя усмотреть принципов марксистского исторического материализма, который в действительности был подменен одной из форм псевдопатриотического идеализма.

3. ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» И ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ЭКСПАНСИОНИЗМА

Атмосфера XX съезда КПСС в советской исторической науке или последовавшая после съезда «либерализация» этой науки возникли немного ранее его созыва. Возникновение этого нового явления нераздельно связано было с Женевским совещанием глав правительств четырех держав в июле 1955 г. и особенно с посещением Хрущевым и Булганиным Индии, Бирмы и Афганистана в конце этого же года, вообще с выдвиганием на первый план тезиса мирного сосуществования с капиталистическими странами. Именно во время развития этих событий советские историки совместно с историками Польши, Чехословакии, Румынии и Венгрии вступили в международную организацию ЮНЕСКО и приняли активное участие в работе X Международного конгресса исторических наук, созданном в Риме в начале сентября 1955 г. Одновременно с этим, редакция журнала «Советское востоковедение» поспешила избавиться в статье «Великая Октябрьская социалистическая революция и Восток»⁴² от прежнего понимания советского патриотизма, дополнив его смягченным принципом «ленинского самоопределения наций». Возвратившись из путешествия по восточным странам, Хрущев и Булганин в свою очередь заявили перед IV сессией Верховного Совета СССР, состоявшейся в конце декабря 1955 г., что индийское национально-освободительное движение

⁴⁰ О научной деятельности и состоянии кадров Института истории, там же, № 4, 1953, стр. 78-79.

⁴¹ О научной деятельности и состоянии кадров Института востоковедения, там же, стр. 77.

⁴² В. Я. Аварин, Великая Октябрьская социалистическая революция и Восток, «Советское востоковедение», № 5, 1955, стр. 3 сл.

и национальное строительство в Индии действительно носят прогрессивный характер и что Ганди, считавшийся прежде в советской историографии реакционером, является «великим борцом за национальную независимость индийского народа»⁴³. Эти изменения в партийной тактике нашли потом отражение в директивной статье «Об изучении истории исторической науки» в первом номере журнала «Вопросы истории» за 1956 г. В этой статье высказывается мысль, что неправильно относить всех западных историков и мыслителей в лагерь реакционеров, как неправильно рассматривать весь многовековой период развития исторической науки до возникновения марксизма как дон научный период и называть «буржуазную» историческую науку псевдонаукой. Далее в статье отмечалось, что не следует отрицать влияния передовой западноевропейской мысли на развитие русской и советской науки и что историческая наука как таковая не может замыкаться в национальных рамках. Как видим, здесь уже получила свое развитие тенденция к некоторому примирению с Западом. Но полностью дух XX съезда КПСС проявился только на конференции читателей журнала «Вопросы истории» в Москве 25-28 января 1956 года⁴⁴. Высказанные положения и данные на этой конференции директивы фактически были только повторены на XX съезде КПСС в докладе академика А. М. Панкратовой о дальнейших путях развития советской исторической науки, а также в докладах А. И. Микояна, О. В. Куусинена и в отчетном докладе Н. С. Хрущева.

В чем же заключается этот дух XX съезда КПСС, появившийся, как отмечалось выше, немного раньше съезда и развившийся после него? Как понимать последовавшие идеологические установки? Явились ли они отказом от прежних воинственных принципов советской исторической науки? В первую очередь определилась тенденция наделять советскую историческую науку качествами подлинной науки, приблизить ее к исторической науке свободного мира. В связи с этим последовало осуждение советского «социалистического» экстремизма в историографии, выражавшегося, как известно, в отрицании возможностей научного сотрудничества с историками как Запада, так и вообще с историками свободного мира, в отрицании значения нежного научного наследия, в утверждении превосходства советской исторической науки и русской общественной мысли и, наконец, в поисках исторических предпосылок, которые в какой-то мере оправдывали бы советскую систему и рост советского государства.

Акад. А. М. Панкратова на конференции читателей журнала «Вопросы истории» указала, что «в некоторых статьях... имеются отступления от требований марксистско-ленинской науки — догматизм и начетничество, вульгаризация, конъюнктурщина, стремления улучшить или ухудшить историю»⁴⁵. В передовой статье журнала «Во-

⁴³ Речь Н. С. Хрущева, «Правда», 30. 12. 1955.

⁴⁴ Конференция читателей журнала «Вопросы истории», «Вопросы истории», № 2, 1956, стр. 199-213.

⁴⁵ Там же, стр. 200.

просы истории» сказано: «Одним из наиболее важных методологических требований, предъявляемых к марксистским исследованиям, является рассмотрение всех явлений в их взаимной связи и обусловленности. Это означает, в частности, что историческая наука каждой отдельной страны или группы стран не может рассматриваться как нечто изолированное, самодовлеющее, а должна изучаться и освещаться как составная часть мировой исторической науки»⁴⁶. Во всем этом нельзя не заметить стремлений избавиться частично от замкнутости в «советском патриотизме», завязать кое-какие связи с исторической наукой свободного мира, чтобы затем развернуть здесь свою политическую диверсию среди представителей общественных наук. Затем был осужден русский патриотизм в советской историографии и вообще прежние методы пропагандирования советской национальной политики. Директивы по этим вопросам также были даны уже во время работы указанной конференции читателей журнала «Вопросы истории» в выступлении заместителя главного редактора журнала Э. Н. Бурджалова: «... Во многих работах, в том числе и в некоторых статьях журнала, не освещается национально-колониальная политика царизма, не показывается роль царской России как тюрьмы народов, а все национальные движения объявляются реакционными. Это искажает действительность и противоречит ленинской оценке национальных движений... Редакция исходит из указаний партии и старается правильно осуществлять их. Она выдвигает на первый план такие проблемы истории, которые особенно актуальны в нынешней обстановке... Мы хотим более правильно освещать историю народов, в частности историю национально-освободительных движений»⁴⁷. Но наиболее всесторонне проблема русского патриотизма и освещения истории нерусских народов была затронута в отчетном докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Отметив, что «социализм не только не уничтожает национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей», Н. С. Хрущев констатировал: «... В этой связи следует сказать о той путанице, которую допускают некоторые товарищи в толковании национального вопроса. Возьмем, например, вопрос о советском патриотизме и интернационализме. Полная ясность в этом вопросе важна не только для того, чтобы правильно, по-ленински, проводить национальную политику внутри нашей страны, но и для того, чтобы правильно строить взаимоотношения с трудящимися других стран, в том числе всего нашего социалистического лагеря. К сожалению, находятся отдельные товарищи, которые полагают, что любовь к своей Родине якобы противоречит международной солидарности трудящихся и социалистическому интернационализму. Такое толкование оскорбляет национальные чувства людей, отнюдь не способствует укреплению сотрудничества социалистических наций, раз-

⁴⁶ Об изучении истории исторической науки, там же, № 1, 1956, стр. 10.

⁴⁷ Конференция читателей журнала «Вопросы истории», там же, № 2, 1956, стр. 202, 212.

«витию международной солидарности трудящихся всех стран»⁴⁸. В дальнейших дискуссиях по этому вопросу были указаны все пороки советского патриотизма при освещении истории нерусских народов, но заявление Н. С. Хрущева важно тем, что оно раскрывает политический характер рассматриваемой советской самокритики в национальном вопросе, которую партия стремится использовать для ликвидации национального недовольства в самом «социалистическом лагере», а также в выискивании новых путей для советских завоеваний. Это станет вполне понятно, если мы обратимся к новым советским концепциям о роли национальной буржуазии в национально-освободительных движениях и национальном строительстве в странах Востока, также выдвинутому на XX съезде КПСС⁴⁹. Общеизвестны сталинские тезисы об общей тенденции загнивания капитализма, о пролетариате и коммунистических партиях как о единственно последовательных борцах за национальное освобождение народов. Завоевание национальной независимости в той или другой стране иным путем считалось победой реакции, оппортунистической сделкой национальной буржуазии с иностранным капиталом. Теперь, с трибуны XX съезда КПСС оценка роли национальной буржуазии, в частности восточных стран, прозвучала совершенно иначе. Именно, подобно тому, как Н. С. Хрущев признал, что «общая тенденция загнивания капитализма не исключает технического прогресса и подъема производства в тот или иной период»⁵⁰, партия вообще допустила возможность завоевания национальной независимости в колониальных странах Востока мирным путем и под руководством национальной буржуазии, которая, оказывается, «на отдельных этапах антиимпериалистической борьбы» все же отражает интересы большинства народа⁵¹.

Третьей стороной этой советской самокритики в историографии были попытки разрешить внутренние противоречия, соединенные с освещением истории партии, советского общества и социалистического строительства в СССР. Они были связаны главным образом с возникшей внутрипартийной борьбой и с осуждением культа личности Сталина. Так возникли новые положения о творческом подходе к марксизму-ленинизму, о творческом применении марксизма-ленинизма при исследовании истории советского общества, которые привели в конечном итоге к реабилитации отдельных партийных деятелей, впадших в немилость в сталинскую эпоху, к осуждению сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», а также к более свободному доступу к архивным материалам и попыткам осветить по-новому некоторые стороны истории партии и истории социалистического строительства в СССР и в странах «народной демократии». В результате этих мероприятий партии по идеологическому и методологическому переуст-

⁴⁸ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, «Правда», 15. 2. 1956.

⁴⁹ Речь О. В. Куусинена, там же, 20. 2. 1956.

⁵⁰ Н. С. Хрущев, указ. доклад, «Правда», 15. 2. 1956.

⁵¹ XX съезд КПСС и задачи изучения современного Востока (передовая), «Советское востоковедение», № 1, 1956, стр. 8.

ройству советской исторической науки последовало в первую очередь ограничение исследований по древней и средневековой истории России и по истории славянских народов. Исключительное внимание было уделено теперь разработке вопросов истории революционных движений в России и истории становления и развития советского общества. Правда, эта тенденция возникла еще в 1954 г., когда партия потребовала от советских историков создания обобщающих трудов по истории советского общества, а решением Президиума Академии наук СССР от 10 августа 1954 г. был создан в системе Института истории специальный отдел истории СССР периода социализма в составе Сектора истории Октябрьской революции, Сектора истории социалистического строительства и Сектора истории второй мировой войны и послевоенного периода⁵². После XX съезда КПСС современная тематика советской эпохи стала преобладать в планах научно-исследовательской работы советских историков, что, между прочим, частично может объясняться наступлением 40-летия Октябрьской революции.

В национальном вопросе советская историческая наука оставалась фактически на прежних позициях и не занялась усиленным и более объективным изучением истории нерусских народов. Здесь мы не касаемся тех спорадических выступлений отдельных советских историков, которые время от времени критиковали прежний принцип русского патриотизма в советской историографии или требовали более объективного подхода к исследованию национальной истории. Не принимаем также во внимание последовавшую реабилитацию национально-освободительных движений горцев Кавказа, так как эта реабилитация носила частичный и политический характер, рассчитанный исключительно на импониowanie народам Востока. Новым явлением можно было бы назвать последовавшее ослабление советского надзора над историками и над развитием исторической науки в странах «народной демократии». Однако оно было связано более с ослаблением советской диктатуры в этих странах, нежели с сознательными уступками со стороны Советского Союза. В области всемирной истории главное внимание стало уделяться вопросам новейшей и современной истории, борьбе с современным «империализмом» западных государств. Но эта борьба приобретает теперь более дискуссионный характер, характер менее пристрастного научного исследования вопроса. Отметилось уменьшение открытых и вульгарных нападок против западных историков и историографии и возросло тяготение советских историков к изучению истории всех стран и народов и к установлению научных контактов с представителями исторической науки стран свободного мира. Здесь, однако, появилась более опасная тенденция в советской исторической науке — экспансия во всемирном масштабе. Новые проявления экспансионистских тенденций советской исторической науки во всемирном масштабе относятся к 1954 г., когда советские историки после длительного перерыва впервые вы-

⁵² За глубокое и всестороннее исследование истории советского общества (передовая), «Вопросы истории», № 9, 1954, стр. 8.

ступили на международную арену, начиная с созыва в Берлине предварительного совещания славистов. Это совещание, инспирированное Советским Союзом, было немногочисленным и занималось обсуждением вопроса о созыве очередного международного съезда славистов⁵³. В этом же году советские историки впервые приняли участие в работе XXIII Международного конгресса востоковедов, а в следующем, 1955 г., незадолго до созыва X Международного конгресса исторических наук, они, совместно с историками стран «народной демократии», вступили в ЮНЕСКО, а затем участвовали в работе этого конгресса. Одновременно делегация советских славистов участвовала в работе предшествовавшего Конгрессу международного совещания славистов также в Риме, а потом в работе подобного совещания славистов в Белграде с 15 по 22 сентября 1955 г. Советские востоковеды с своей стороны участвовали в работе VIII Конференции молодых синологов, созданной в Голландии осенью того же 1955 г. С 1956 г. советские историки присутствовали на всех международных или национальных конгрессах, конференциях или съездах историков, созданных в Европе, Азии, Африке и Америке. Так, в течение 1956-1958 гг. они принимали активное участие в работе ежегодных конференций молодых синологов, Общества экономической истории и Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений, в работе IV съезда австрийских историков и III съезда австрийских архивистов, III Флорентийского международного конгресса архивистов, Бейрутского международного конгресса социологов, Международного симпозиума по истории культурных связей между странами Востока и Запада в Японии в октябре-ноябре 1957 г. и Международного коллоквиума по исламу в Пакистане в конце декабря 1957 и начале января 1958 г. Наконец, они участвовали также в работе Мюнхенского XXIV международного конгресса востоковедов, Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки, IV Международного съезда славистов в Москве в начале сентября 1958 г. и др.

Кроме того, советские историки посещали также, в порядке обмена учеными или односторонней командировки, все страны свободного мира, выступая с докладами и публичными лекциями. Только в 1956 г. за границу выезжало более 100 советских историков⁵⁴; в 1957 г. научные контакты поддерживались более чем со 150 научными учреждениями и отдельными историками различных зарубежных стран⁵⁵. Выступления советских историков на международной арене сопровождались не только их активной деятельностью на фронте идеологической борьбы, но и борьбой за завоевание руководящих мест в международных комитетах по организации и проведению научных конференций. Еще в сентябре 1955 г. во время работы сессии Гене-

⁵³ В. В. Виноградов, Международное совещание славяноведов в Белграде, «Вестник АН СССР», № 12, 1955, стр. 59.

⁵⁴ Научная жизнь, «Новая и новейшая история», № 1, 1957, стр. 182.

⁵⁵ К. И. Седов, Общее собрание отделения исторических наук АН СССР, «Вопросы истории», № 5, 1958, стр. 181.

ральной ассамблеи Международного комитета исторических наук академик А. М. Панкратова была введена в состав Бюро этого Комитета⁵⁶. Тогда же было достигнуто соглашение о принятии в Комитет, в качестве самостоятельных членов национальных комитетов, историков Белоруссии, Украины и Китайской народной республики⁵⁷. Одновременно с этим, на состоявшемся в Белграде международном совещании славистов был учрежден Международный комитет славистов, председателем которого на ближайшие годы был избран академик — секретарь Отделения литературы и языка Академии наук СССР В. В. Виноградов. Его полномочия были продлены еще на два года в сентябре 1958 г. во время работы Московского IV международного съезда славистов⁵⁸. По настоянию советских историков в Международный комитет славистов были введены также слависты Индии, Китайской и Монгольской народных республик и других восточных стран. Не последнее место занимают советские востоковеды и в Международном союзе востоковедов. Особое внимание со стороны советского правительства было обращено на созыв международных конгрессов и совещаний международных комитетов историков в пределах Советского Союза или в пределах «социалистического лагеря». Еще на Белградском международном совещании славистов советская делегация достигла согласия на созыв очередного IV Международного съезда славистов в Москве. Также первое совещание Международного комитета славистов состоялось в Москве в мае 1956 г., второе в Праге в январе 1957 г. и третье в Варшаве в январе 1958 г. Следующий V международный съезд славистов будет созван в 1963 году в Софии. Советские представители в Международном комитете исторических наук также предлагали избрать Москву местом созыва в 1957 г. очередной Генеральной ассамблеи этого Комитета. Однако по неизвестным причинам сессия Генеральной ассамблеи, которая занималась обсуждением плана работы очередного XI Международного конгресса исторических наук, состоялась в июне 1957 г. в Лозанне. Наконец, во время работы XXIV Мюнхенского международного конгресса востоковедов по предложению советской делегации было достигнуто соглашение о созыве очередного XXV Международного конгресса востоковедов в 1960 г. в Ленинграде⁵⁹.

Параллельно с этой деятельностью советских историков на арене мировой исторической науки в Советском Союзе происходило созда-

⁵⁶ После смерти акад. А. М. Панкратовой ее обязанности в Международном комитете исторических наук возложены на члена корреспондента АН СССР А. А. Губера, «Новая и новейшая история», № 1, 1958, стр. 204-205.

⁵⁷ Об участии советской делегации в X международном конгрессе исторических наук в Риме, «Вестник АН СССР», № 12, 1955, стр. 76.

⁵⁸ Н. И. Толстой, Итоги IV международного съезда славистов, там же, № 11, 1958, стр. 55.

⁵⁹ Е. А. Беляев, Двадцать четвертый международный конгресс востоковедов, «Вопросы истории», № 1, 1958, стр. 218.

ние отдельных национальных комитетов и ассоциаций историков, а также отдельных групп историков по установлению контактов с зарубежными историками и исторической наукой или по изучению истории отдельных зарубежных стран. Были основаны также новые исторические журналы международного характера и реорганизована работа центральных научно-исторических учреждений. Так, в конце 1955 г. были созданы Национальный комитет советских историков по сотрудничеству с международной организацией ЮНЕСКО и Восточная комиссия Географического общества СССР по содействию развитию востоковедения. В 1956 г. образован при Президиуме Академии наук СССР Советский комитет славистов, а при ее Институте истории отдельные группы по изучению истории Германии, Франции, Англии, Италии, Испании и других стран. Объединяя большое количество историков⁶⁰, эти группы призваны к коллективной разработке вопросов истории той или иной страны и к установлению научных контактов с их историками. Позже последовали создание новой группы по истории социалистических учений и организация Всесоюзного общества востоковедов и его филиала, Всесоюзного общества африканистов.

Из новых журналов международного характера, возникших в течение 1956-1957 гг., можно назвать орган Отделения исторических наук АН СССР — «Вестник истории мировой культуры», Института истории — «Новая и новейшая история», Института востоковедения — «Современный Восток» и Института китаеведения — «Советское китаеведение». В процессе создания были журналы «Советское славяноведение» и «Вопросы искусства». В связи с ростом научной продукции по новой и новейшей истории зарубежных стран в 1958 г. в Москве было образовано Государственное издательство социально-экономической литературы («Соцэкгиз»)⁶¹.

Соответственно произошла и реорганизация в системе научно-исторических учреждений. В первую очередь нужно отметить образование в 1956 г. в системе Академии наук СССР Института мировой экономики и международных отношений, в системе Института истории — секторов новой и новейшей истории и, как уже отмечалось выше, отдельных групп историков по изучению различных проблем и периодов истории отдельных стран. Особенно тщательной реорганизации подверглись советское востоковедение и востоковедческие учреждения. Это — не случайное явление, но плановое переустройство в результате усиления советской заинтересованности восточными странами и осуществления решений XX съезда КПСС о преодолении дремлющего состояния советского востоковедения в условиях пробужденно-

⁶⁰ Группа по изучению истории Франции, там же, № 5, 1957, стр. 204. Группа по изучению истории Франции объединяет свыше 120 историков-специалистов.

⁶¹ Б. Т. Рубцов, Издательский план Соцэкгиза по всеобщей истории, там же, № 6, 1958, стр. 195-198.

го Востока⁶². Прежде всего была проведена реорганизация структуры Института востоковедения Академии наук СССР. Решением Президиума Академии наук СССР от 26 октября 1956 г. из него был выделен особый Институт китаеведения. В системе Института востоковедения были образованы отделы Африки, Арабских стран и Юго-восточной Азии, а также сектор конъюнктуры, занимающийся изучением общих экономических проблем стран Азии и Африки, секторы информации и международных отношений, Центральная восточная библиотека и особое Издательство восточной литературы⁶³, которого не имеют другие исторические институты Академии наук СССР. Кроме того, в 1956 г. последовала организация при Московском университете Института восточных языков, созданного на базе прежнего московского Института востоковедения, а в следующем 1957 г. — создание Восточного Института в Ташкенте на базе восточного факультета Среднеазиатского университета⁶⁴, а также институтов востоковедения в Грузии и Азербайджане и восточного отдела при Академии наук Армянской ССР⁶⁵. В Ташкенте продолжает свою работу основанный ранее Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Изменениям подверглась и тематика научных исследований советских востоковедов. В новом плане работы предусмотрено в первую очередь изучение проблем современности, т. е. кризиса колониальной системы, роста национально-освободительных движений в восточных странах и в странах Африки, и достижений социалистического строительства в национальных республиках советского Востока⁶⁶. Намечено также пригласить на временную или длительную работу в советские научные и педагогические институты до 20 специалистов из стран зарубежного Востока⁶⁷. В связи с этими предположениями была созвана также в Ташкенте в начале июня 1957 г. Всесоюзная конференция советских востоковедов. В результате всех этих мероприятий КПСС по реорганизации советского востоковедения число научных и научно-технических сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР возросло в 1957 г. от 185 до 338. К началу 1958 г., совместно с аспирантами, институт насчитывал уже 450 научных работников⁶⁸. Число научных и научно-технических сотрудников Ин-

⁶² Речь А. И. Микояна, «Правда», 18. 2. 1956.

⁶³ О. С. Сороко, О работе институтов востоковедения и китаеведения АН СССР в 1957 г., «Вопросы истории», № 5, 1958, стр. 185; Б. Г. Гафуров, Актуальные задачи советского востоковедения, «Вестник АН СССР», № 9, 1957, стр. 18.

⁶⁴ Об организации Восточного института в Узбекской ССР, «Правда Востока», 4. 6. 1957, Ташкент.

⁶⁵ Б. Г. Гафуров, указ. статья, «Вестник АН СССР», № 9, 1957, стр. 22.

⁶⁶ А. А. Губер, Глубоко и всесторонне изучать кризис и распад колониальной системы империализма, «Советское востоковедение», № 3, 1956, стр. 3-14.

⁶⁷ О задачах и структуре Института востоковедения, «Вестник АН СССР», № 11, 1956, стр. 104-105.

⁶⁸ О. С. Сороко, указ. статья, стр. 185.

ститута китаеведения в свою очередь возросло в 1957 г. с 49 до 114⁶⁹. Для сравнения отметим, что в старейшем Институте истории АН в начале 1958 г. имелось всего 294 научных сотрудника⁷⁰. Институт востоковедения превосходит все остальные институты Отделения исторических наук Академии наук СССР также и по количеству аспирантов. В начале 1958 г. в этом Отделении, в которое входят 7 самостоятельных научно-исследовательских институтов, лаборатория реставрации и консервации документов и Археологическая комиссия, насчитывалось всего 228 аспирантов⁷¹. Как свидетельствуют выше указанные данные, из этого количества аспирантов 112 падает на Институт востоковедения. Между остальными институтами распределены таким образом только 116 аспирантов. Объединяя в своих стенах преобладающее большинство молодых научных сотрудников, Институт востоковедения не отстает от Института истории и по выпуску научной литературы. Например, в 1957 г. научными сотрудниками Института истории было подготовлено к печати 94 работы⁷² из 147, установленных планом⁷³. В течение этого же года научные сотрудники Института востоковедения подготовили к печати 63 работы из 67 по плану и завершили 30 внеплановых работ⁷⁴. Из-за отставания собственного издательства Институт востоковедения идет позади Института истории только по выпуску восточной литературы. Именно, из выпущенных в 1957 году Отделением исторических наук 138 работ⁷⁵ 60 работ падает на институт истории⁷⁶ и 28 работ на институты истории материальной культуры, этнографии и истории искусств⁷⁷. Остальные 50 работ были выпущены, таким образом, Институтом востоковедения, Институтом китаеведения и Институтом славяноведения. Принимая во внимание, что Институт славяноведения в последние годы вообще ослабил свою научно-исследовательскую деятельность, можно полагать, что большая часть оставшихся работ была выпущена Институтом востоковедения и частично Институтом китаеведения.

⁶⁹ Там же, стр. 187.

⁷⁰ А. М. Синицин, Итоги научных исследований Института истории АН СССР в области отечественной истории за 1957 год, «История СССР», № 2, 1958, стр. 210.

⁷¹ К. И. Седов, указ. сообщение, стр. 182.

⁷² А. М. Синицин, указ. статья, стр. 214.

⁷³ Институт АН СССР в 1957 году, «Новая и новейшая история», № 1, 1958, стр. 203.

⁷⁴ О. С. Сороко, указ. статья, стр. 185.

⁷⁵ К. И. Седов, указ. сообщение, стр. 180.

⁷⁶ Институт истории АН СССР в 1957 году, «Новая и новейшая история», № 1, 1958, стр. 203.

⁷⁷ М. Е. Соловьев, Обсуждение итогов работы за 1957 год институтов истории материальной культуры, этнографии, истории искусства на Бюро отделения исторических наук АН СССР, «Вопросы истории», № 5, 1958, стр. 202.

С этой усиленной заинтересованностью восточными народами связаны и изменения в советской национальной политике по отношению к народам советского Востока. Выше мы уже отметили новые приспособленческие тезисы в оценке современных национально-освободительных движений в странах зарубежного Востока. В том же направлении идут советские изменения в национальной политике по отношению к советским восточным народам, которые определяются в первую очередь признанием Н. С. Хрущева на XX съезде партии, что репрессия 1943-1944 гг. по отношению к некоторым народам Северного Кавказа была чудовищным актом Сталина, не считавшегося с «принципами национальной политики советского государства»⁷⁸. Затем были реабилитированы национально-освободительные движения народов Советского Востока. В октябре и ноябре 1956 г. были по этому вопросу созваны научные конференции историков Центра и Кавказа в Махачкале и Москве, на которых обсуждался характер движения горских народов Кавказа в прошлом столетии⁷⁹. После этого Дагестанское Бюро КПСС приняло постановление под названием «Об итогах обсуждения научно-исследовательскими учреждениями вопроса о характере движения горских народов Дагестана под руководством Шамиля», в котором указывалось, что национально-освободительные движения горских народов под руководством Шамиля были «по своему социально-политическому содержанию антиколониальной и справедливой борьбой против царских колонизаторов»⁸⁰. Наконец, согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года, были реабилитированы репрессированные в свое время карачай-балкарцы, чечено-ингуши и калмыки, а также восстановлены ликвидированные в связи с их депортацией автономные республики и области этих народов⁸¹. Вслед за тем был проявлен большой интерес к национальной истории всех народов советского Востока.

Таковы в общих чертах наступившие после XX съезда КПСС изменения в советской исторической науке. Анализируя все стороны этих изменений, мы вынуждены констатировать в первую очередь, что либерализация советской исторической науки всегда проводилась согласно указаниям сверху, в данном случае согласно решениям XX съезда КПСС. Не забегая вперед, к новым идеологическим установкам начала 1957 г., мы должны отметить также, что указанная либерализация со времени своего возникновения всегда сопровождалась неоднократными партийными заявлениями, что выдвинутые XX съездом партии требования к советской исторической науке ни в коем случае не означают отказа от ее принципа воинствующего марксизма-лени-

⁷⁸ Речь Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда ЦК КПСС, Изд-во «Голос народа», Мюнхен, 1956, стр. 37.

⁷⁹ Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа, «Вопросы истории», № 12, 1956, стр. 188-198.

⁸⁰ К дискуссии о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля, «Вопросы истории», № 1, 1957, стр. 195.

⁸¹ А. Ф. Горкин, Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, «Известия», 12. 2. 1957.

низма, перехода на путь «буржуазного объективизма» и «буржуазного мировоззрения». В частности об этом говорят постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий»⁸² и особенно наставления опубликованной в журнале «Партийная жизнь» статьи Е. Бугаева «Когда утрачивается научный подход»⁸³. В последней статье, которая была направлена против советских историков, партия в действительности поспешила аннулировать все свои установки, выдвинутые XX съездом КПСС, выступив не только против связанных с ними требований отдельных советских историков, но и против тех директив, которые появились в советских исторических журналах в связи с решениями XX съезда. Однако, не касаясь даже этих партийных противоречий при определении нового курса советской исторической науки, о действительных целях и о целях наступивших идеологических изменений мы можем судить по тем методам, которыми пользуются советские историки при освещении истории советского общества и истории зарубежных стран, при разработке концепций развития советско-марксистской историографии и при научном сотрудничестве со своими зарубежными коллегами. Здесь мы не можем не заметить незыблемости принципа партийности и воинственности советской исторической науки. Именно этим и обусловлено то явление, что исследования советских историков, посвященные истории СССР или истории народов свободного мира, продолжали и в эпоху XX съезда носить в большинстве случаев пропагандный характер, направленный на разжигание классовой, национальной и международной вражды. Об этом свидетельствуют и советская востоковедческая историческая литература, выпущенная в течение 1956 года, и отзывы советской исторической науки о западной, «буржуазной» историографии. Не менее убедительно свидетельствует об этом и вообще о политических целях советской исторической науки поведение советских историков в области международного научного сотрудничества. Оно зачастую ничем не отличалось от поведения советских партийных пропагандистов или работников советских дипломатических миссий. Например, во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве летом 1957 г. советскими историками была устроена встреча с иностранными студентами, изучающими исторические науки. На ней выступил с приветственной речью академик С. Д. Сказкин и были заслушаны среди других доклады «О постановке исторического образования в СССР» преподавателя Московского университета А. Калмыковой и директора Института истории Академии наук СССР А. Л. Сидорова на тему «О роли марксистско-ленинского мировоззрения в успехах советской исторической науки». В процессе дискуссий и обмена мнениями были высказаны пожелания установить связи между студентами — историками всего мира и одобрено предложение пред-

⁸² Постановление ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий, «Правда», 2. 7. 1956.

⁸³ Е. Бугаев, Когда утрачивается научный подход, «Партийная жизнь», № 14, Москва, 1956, стр. 62-72.,

ставителя Восточной Германии о проведении в ближайшие годы международной студенческой конференции с целью усиления борьбы «против милитаризма»⁸⁴. Во время работы XXIV Международного конгресса востоковедов в Мюнхене в конце августа и начале сентября 1957 г. советская делегация много говорила о достижениях и мирных целях советского востоковедения и сочла более удобным использовать не научную арену Конгресса, а западногерманскую общественность, выступив два раза по Франкфуртскому радио, дав несколько пресс-конференций и устроив торжественный прием в честь представителей властей Мюнхена и Баварского правительства⁸⁵. Такой метод был применен также советской делегацией на IV съезде австрийских историков и III съезде австрийских архивистов в сентябре 1956 г.⁸⁶ Во время работы Международного конгресса социологов в Ливане в сентябре 1957 года⁸⁷ и Международного коллоквиума по исламу в Пакистане в конце декабря 1957 и начале января 1958 гг.⁸⁸ советские делегации социологов и историков, пользуясь антизападными настроениями тех или других восточных народов, сумели повести дело так, что некоторые доклады западных ученых, как, например, доклад на тему «Куль личности» французского ученого К. Пападимитриу, были вообще недопущены до чтения или сняты с обсуждения. Воспользовавшись посещением этих стран, советские историки прочитали здесь несколько докладов и публичных лекций из жизни народов советского Востока, провели несколько бесед с государственными и культурно-общественными деятелями и посетили ряд научных учреждений. В Пакистане советская делегация сделала подарок Пенджабскому университету от Института востоковедения Академии наук СССР, Академии наук Узбекской ССР и от мусульман Средней Азии и Казахстана. Во время посещения Ганы в октябре 1957 г. с целью ознакомления с национально-освободительным движением народов Золотого Берега доктор исторических наук И. И. Потехин не упустил удобного момента, чтобы не «распространить правды о Советском Союзе». Он прочитал здесь несколько публичных лекций и семь раз выступал по радио. По словам И. И. Потехина, на его лекции на тему «Достижения Советского Союза за 40 лет революции», прочитанной в столице Ганы Аккре, присутствовало около 2 500 слушателей. Для преподавателей и студентов Аккрского университета И. И. Потехин прочитал четыре лекции: «Исторический материализм о социально-экономических формациях», «Некоторые методологические соображения по разработке проблемы формирования наций в Африке южнее Сахары», «Происхождение и раз-

⁸⁴ Международная встреча студентов-историков, «Новая и новейшая история», № 3, 1957, стр. 201.

⁸⁵ Международный конгресс востоковедов в Мюнхене, «Правда», 3. 10. 1957.

⁸⁶ Б. В. Поршнев, На съезде австрийских историков, «Новая и новейшая история», № 1, 1957, стр. 181.

⁸⁷ Ю. Н. Семенов, На Конгрессе Международного Института социологии в Ливане, «Вестник АН СССР», № 2, 1958, стр. 75-77.

⁸⁸ А. М. Шамсутдинов, Э. Н. Комаров, Международный коллоквиум по исламу, там же, № 4, 1958, стр. 77-78.

витие национального капитала на Золотом Береге» и «Изучение Африки в Советском Союзе»⁸⁹. Большое политическое значение имеет также созыв в пределах Советского Союза или его сателлитов международных исторических или иных конгрессов и съездов. Организованные с исключительным гостеприимством, экскурсиями и другими развлечениями, они всегда производят довольно благоприятное впечатление на участников, как, например, первая Всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте в 1957 г., Конференция писателей восточных народов в Ташкенте осенью 1958 года, и, наконец, IV Международный съезд славистов в Москве в сентябре 1958 г. Кроме того, в 1958 г. в Москве состоялось еще три съезда: Международный конгресс архитекторов, очередная ассамблея Специального комитета Международного геофизического года и Международный съезд астрономов. IV Международный съезд славистов, на котором присутствовало 500 представителей зарубежного славяноведения и 1500 делегатов и гостей из Советского Союза, получил признание и со стороны зарубежных славистов как «съезд науки»⁹⁰. В советской интерпретации он явился свидетелем того, что «крупнейший научный центр Советского Союза — Москва становится и крупнейшим научным центром мира»⁹¹.

Таким образом связанные с XX съездом КПСС изменения в идеологической направленности советской исторической науке и в практике работы советских историков явились делом политической необходимости и приспособления КПСС к современным международным политическим условиям, а также партийной попыткой вывести советскую историческую науку на международную арену с целью проведения здесь идеологической диверсии во всемирном масштабе. Двусмысленные идеологические установки XX съезда КПСС были использованы советскими историками и в особенности историками стран «народной демократии» в тех целях, чтобы освободить историческую науку из-под власти партийного и советского контроля. В условиях политико-идеологического рабства в СССР советские историки стремились главным образом к разоблачению осужденных последствий сталинизма, не только в аспекте деловой критики принципа партийности в исторической науке, но и в аспекте критики советской идеологии и практики вообще. Проявлялись также и открытые требования предоставить советской исторической науке некоторые возможности для ее свободного развития. В странах «народной демократии» это движение за освобождение исторической науки от партийного и советского контроля пошло немного дальше и привело в конечном счете даже к открытым попыткам очистить национальную историографию от советских напластований. Этот историографический ревизионизм очень много

⁸⁹ И. И. Потехин, В новом африканском государстве, там же, № 5, 1958, стр. 114-117.

⁹⁰ Международный съезд славистов в Москве, «Славяне», № 10, изд. Славянского комитета СССР, Москва, 1958, стр. 15.

⁹¹ Там же.

содействовал разложению «социалистического строя» в Венгрии и Польше.

4. ПОВОРОТ К СТАЛИНСКИМ ДОГМАМ

Идеологические брожения и особенно связанные с ними события осени 1956 г. в Венгрии и Польше определили наступивший в начале 1957 г. открытый поворот КПСС к прежним сталинским нормам и тотальному притеснению в области развития исторической науки. В первую очередь последовало партийное наступление против требований советских историков. Это наступление особенно почувствовалось на состоявшемся 28 декабря 1956 г. общем собрании Академии наук СССР в речи президента АН СССР академика А. Н. Несмеянова⁹², а затем на общем собрании Отделения исторических наук 18-19 января 1957 года⁹³. Однако, как можно заключить из кратких сообщений, несмотря на острые партийные нападki против некоторых историков за их попытки освободиться от нажима и цензуры партии, дело с самокритикой обстояло очень плохо. Даже академик А. М. Панкратова, отличавшаяся раньше своим усердием в части самокритики, ограничивалась теперь общими замечаниями о некоторых отклонениях и необходимости борьбы с подобными явлениями, свалив при этом ответственность за допущенные «ошибки» на руководство Института истории и Отделения исторических наук. А. М. Панкратовой было неудобно опровергать то, о чем она говорила с трибуны XX съезда КПСС, но в общем проявилась политика молчания и со стороны других советских историков. После этого было обнародовано постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале «Вопросы истории»», которое по существу касалось всех советских историков и нового идеологического направления советской исторической науки. В этом постановлении, после перечисления всех ошибочных статей журнала «Вопросы истории» и отдельных положений, высказанных в них, были вынесены следующие решения:

1. Признать ошибочным выступление журнала «Вопросы истории» с рядом статей, в которых неправильно освещаются некоторые принципиальные положения истории КПСС. Обязать редакцию журнала «Вопросы истории» обеспечить последовательное соблюдение ленинского принципа партийности в исторической науке, решительную борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и попытками ревизии марксизма-ленинизма.
2. Указать главному редактору журнала «Вопросы истории» А. М. Панкратовой на серьезные недостатки, допущенные ею по руководству журналом.
3. Освободить от занимаемой должности заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории» Э. Н. Бурджалова за ошибки в деле руководства журналом.
4. Утвердить первым заместителем главного редактора журнала «Вопросы ис-

⁹² А. Н. Несмеянов, Об основных направлениях в работе АН, «Вестник АН СССР», № 2, 1957, стр. 36.

⁹³ В отделении исторических наук, там же, № 3, 1957, стр. 46-49.

тории» Н. И. Матюшкина, освободив его от должности заместителя главного редактора Госполитиздата. Ввести дополнительно в штате редакции журнала должность заместителя главного редактора по вопросам истории зарубежных стран. 5. Поручить Отделу науки, вузов и школ, Отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС и президиуму АН СССР принять меры к укреплению состава редколлегии и аппарата редакции журнала»⁹⁴. Как видим, вопрос о развитии советской исторической науки был решен партий самым радикальным образом. Э. Н. Бурджалов был смещен с занимаемой должности заместителя главного редактора и вообще отстранен от работы в журнале. Из редакционной коллегии журнала были выведены также некоторые советские историки: А. В. Арциховский, академик Н. М. Дружинин, А. С. Ерусалимский, П. П. Епифанов, И. А. Федосов и академик М. Н. Тихомиров, хотя немного раньше, в январе 1957 г., общее собрание Отделения исторических наук «одобрило деятельность бюро за 1956 г. и выразило академику М. Н. Тихомирову благодарность за его большую и плодотворную работу в качестве академика-секретаря Отделения»⁹⁵.

В чем же заключались эти ошибки журнала «Вопросы истории» и вообще советских историков? В постановлении ЦК КПСС и директивных статьях, появившихся после этого в журналах «Коммунист» и «Вопросы истории», а именно в статьях «Строго соблюдать ленинский принцип партийности в исторической науке»⁹⁶ и «За ленинскую партийность в исторической науке!»⁹⁷, было указано следующее: 1) советские историки, не поняв решения партии о культе личности, стали неправильно рассматривать деятельность Сталина и связанные с ней вопросы социалистического преобразования в СССР. Согласно утверждению ЦК, Сталин был выдающимся марксистом-ленинцем, сыгравшим крупнейшую роль в разоблачении и разгроме врагов партии, в борьбе за торжество ее дела; 2) они, не поняв новых установок о творческом подходе в изучении истории КПСС, начали «смазывать принципиальные разногласия между меньшевиками и большевиками по коренным вопросам революции, в том числе по вопросу о союзе рабочих и крестьян и о гегемонии пролетариата в общедемократическом движении в эпоху империализма». Рассматривая вопросы борьбы партии с троцкистами, бухаринцами и буржуазными националистами, они стали замалчивать то, что эти оппортунисты в своей борьбе против партии выходили за рамки советской легальности; 3) вообще, в своих

⁹⁴ Справочник партийного работника, Госполитиздат, Москва, 1957, стр. 382. См. состав Редакционной коллегии в журнале «Вопросы истории», № 2 и 3, 1957.

⁹⁵ В отделении исторических наук, «Вестник АН СССР», № 3, 1957, стр. 46-49.

⁹⁶ Строго соблюдать ленинский принцип партийности в исторической науке, «Коммунист», № 4, 1957, стр. 17-29.

⁹⁷ За ленинскую партийность в исторической науке (передовая), «Вопросы истории», № 3, 1957, стр. 3-19.

попытках по-новому осветить некоторые вопросы истории партии и советского общества, они на деле «искажали давно решенные и не вызывающие никакого сомнения» проблемы. Они видели в социалистическом способе производства не революционный, а чисто эволюционный процесс, утверждая, что социализм уже вызревает в недрах капитализма; 4) забыв данную Лениным и Энгельсом оценку буржуазному научному наследию, они пытались переоценивать это наследство, сомневаясь в правильности тезиса, что после появления марксизма буржуазная историография и общественная мысль в основных своих тенденциях стали носить реакционный, фальсификаторский характер. В связи с этим они увлеклись западным научным наследием, переоценивая одновременно влияние западной науки и общественной мысли на русскую историческую науку и общественную мысль и критикуя прежние работы советских историков, в которых с правильной марксистской точки зрения показывалась несостоятельность подобных воззрений; 5) они ослабили борьбу против буржуазной идеологии, устраняясь одновременно от критики современных ревизионистских и националистических выступлений в странах «народной демократии»; 6) в вопросах отечественной истории они начали сомневаться в правильности концепции, что Россия вплоть до Октябрьской революции являлась политически зависимым, полуколониальным государством; 7) в национальном вопросе они начали выдвигать национальные стороны истории, идеализируя при этом национально-освободительные движения нерусских народов, в частности национально-освободительное движение горцев Кавказа под руководством Шамиля, забыв, что эти движения по своему характеру были буржуазными и в большинстве случаев реакционными движениями и упустив из виду прогрессивность присоединения нерусских народов к России; 8) вообще среди советских историков появилась тенденция к отходу от ленинского принципа партийности в исторической науке. Эти обвинения сопровождались критикой работ отдельных историков, которые допустили выше указанные погрешности. Далее давалось указание, что в дальнейшем подобного рода ошибки и отклонения должны быть преодолены, уступив место прежним установкам.

В связи с этим поворотом к прежнему идеологическому курсу и методологии последовала также реорганизация практики и плана работы советских историков и исторических учреждений. В первую очередь осуществляется переход к системе коллективных форм работы советских историков, к координации их деятельности и деятельности всех центральных и республиканских исследовательских научно-исторических учреждений. Об этом свидетельствуют многочисленные работы над комплексными темами, отдельными сборниками или многотомными трудами, создание групп историков по разработке отдельных проблем, истории отдельных периодов и истории отдельных стран и, наконец, установление надзора Отделения исторических наук Академии наук СССР над работой других научных учреждений и главным образом над работой подобных отделений республиканских

академий наук. С другой стороны, последовала также усиленная разработка вопросов истории советского общества и новой и новейшей истории западных стран. Здесь, конечно, нельзя не видеть стремлений партии перейти в контрнаступление против антисоветских высказываний, появившихся в западной печати и особенно в печати стран «национальной демократии». В связи с этим в плане научно-исследовательской работы советских историков на ближайшие годы предусматривалось: а) по истории советского общества — создание обобщающих трудов по истории Октябрьской революции, социалистического строительства и второй мировой войны, а также издание серий документальных публикаций; б) по истории СССР дооктябрьского периода — создание обобщающих трудов и монографических исследований по истории первой русской революции 1905-1907 гг., и Февральской «буржуазно-демократической» революции 1917 года, истории русского рабочего класса и рабочего движения, крестьянства и крестьянского движения; разработка вопросов национально-освободительных движений и создание обобщающих трудов по истории СССР XVIII—XX вв., которые раскрыли бы «прогрессивное» значение присоединения нерусских народов к России, их борьбу совместно с русским народом за национальное и социальное раскрепощение; усиленное изучение вопросов истории культуры и развития общественно-политической мысли в России; исследование экономических, политических и культурных связей русского народа с народами зарубежных стран; изучение внешней политики России; в) в области всеобщей истории — завершение десяти томного издания «Всемирной истории»; коренное улучшение разработки проблем новой и новейшей истории Западной Европы и Америки, истории международного рабочего движения и международных отношений, истории второй мировой войны; усиление борьбы против «буржуазных фальсификаторов» истории⁹⁸.

В целях быстрее выполнения этих задач предусматривалось расчленение существующего Института истории Академии наук СССР на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории, а также укрепление научных связей исторических институтов Академии наук СССР с историками союзных республик на основе совместной разработки важнейших проблем⁹⁹. В целях быстрее создания обобщающих трудов по истории второй мировой войны, показавшей «превосходство социалистического общественного и государственного строя над капиталистическим строем» и «создавшей условия для превращения социализма в мировую систему», постановлением ЦК КПСС «Об издании истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» в сентябре 1957 г. образована специальная редакционная комиссия под председательством секретаря ЦК КПСС академика П. Н. Поспелова. В эту комиссию вошли виднейшие советские историки, представители Министерства обороны и Министерства иностранных дел СССР и других государственных учреждений и партийных

⁹⁸ В президиуме АН СССР, «Вестник АН СССР», № 5, 1957, стр. 91-92.

⁹⁹ Там же.

организаций. Непосредственная работа по составлению пятитомника «Истории Великой Отечественной войны» возложена на Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.¹⁰⁰

Произошли также изменения в практике научного сотрудничества с историками стран «народной демократии». В условиях политической напряженности в отношениях между СССР и его сателлитами после XX съезда КПСС, ЦК КПСС считал невозможным возвратиться к практике сталинской диктатуры и стал на путь заключения со странами «народной демократии» соглашений о научном сотрудничестве. 27 марта 1957 г. в Варшаве было подписано соглашение о научном сотрудничестве на 1957 г. между Академией наук СССР и Польской Академией наук,¹⁰¹ а 20 апреля того же года подобное соглашение между Академией наук СССР и Венгерской Академией наук было подписано в Будапеште.¹⁰² В конце 1957 и начале 1958 гг. эти соглашения с Польской и Венгерской академиями наук были продлены сроком на 3 года¹⁰³ и тогда же заключены новые соглашения о научном сотрудничестве сроком от 3 до 5 лет с академиями наук Чехословакии,¹⁰⁴ Югославии,¹⁰⁵ Китая,¹⁰⁶ Корейской Народной Демократической Республики, Восточной Германии и Румынии.¹⁰⁷ Этими общими соглашениями было установлено, что о плане научного сотрудничества на каждый год обе стороны будут договариваться в четвертом квартале каждого года и что родственные по научному профилю исследовательские учреждения академий установят отдельно между собой непосредственные контакты и формы научного сотрудничества. Предусмотренные этими общими соглашениями формы научного сотрудничества сводятся в главных чертах к обмену планами работ и информацией о проводимых исследованиях и достигнутых результатах, к согласованию исследований, к обмену научными сотрудниками с целью совместного проведения исследований, к приглашению научных работников одной стороны на важнейшие съезды, конференции, совещания и т. д., устраиваемые другой стороной, к оказанию друг другу помощи и поддержки при вступлении в международные организации и при выступлениях в процессе работы этих организаций или на международных конгрессах, к обмену научной литературой и праву опубликования в

¹⁰⁰ Е. А. Болтин, Почетная и ответственная задача советских историков, там же, № 2, 1958, стр. 3-12.

¹⁰¹ Соглашение о научном сотрудничестве между академиями наук СССР и Польской народной республики, там же, № 6, 1957, стр. 60-61.

¹⁰² Соглашение о научном сотрудничестве между академиями наук СССР и Венгерской народной республики, там же, № 7, 1957, стр. 52-53.

¹⁰³ Соглашение о научном сотрудничестве, там же, № 3, 1958, стр. 62-63.

¹⁰⁴ Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Чехословацкой и Словацкой академиями наук, там же, № 2, 1958, стр. 52-54.

¹⁰⁵ Сотрудничество между Академией наук СССР и научными учреждениями Югославии, там же, № 5, 1958, стр. 104-105.

¹⁰⁶ Соглашение о научном сотрудничестве между академиями наук КНР и СССР, там же, № 2, 1958, стр. 49-51.

¹⁰⁷ Соглашения о научном сотрудничестве, там же, № 3, 1958, стр. 62-63.

научных журналах одной стороны статей, подготовленных научными сотрудниками другой стороны. В результате этих соглашений последовало образование Советско-польской¹⁰⁸, Советско-германской¹⁰⁹ и других комиссий историков, задачей которых является координация научной работы и совместная разработка вопросов истории или отдельных периодов истории той или иной страны. Особое внимание уделено при этом Советско-германской комиссии историков, возглавленной с советской стороны профессором А. С. Ерусалимским и с немецкой профессором Лео Штерном, и вообще немецкой истории и историографии. Разделенная на две части Германия остается в центре внимания внешней политики Советского Союза. Главнейшей задачей новой комиссии является совместное изучение истории второй мировой войны и борьба с «реакционными концепциями» западногерманской историографии¹¹⁰.

Кроме того, на 19-23 ноября 1957 г. была созвана в Праге Международная конференция институтов и комиссий по истории коммунистических и рабочих движений, в работе которой кроме историков коммунистического блока приняли участие также и представители исторической науки и коммунистических партий Франции, Италии и Австрии. На повестке дня этой конференции стояло обсуждение двух вопросов: а) влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в отдельных странах и б) обмен опытом в области подготовки учебников и учебных пособий по истории коммунистических партий различных стран¹¹¹. Здесь отразилось московское Совещание представителей коммунистических партий и принятая им Декларация, при помощи которой советское правительство поспешило обуздать ревизионистские движения и восстановить свою руководящую роль в общем коммунистическом блоке. После Пражской конференции последовало созвание в Лейпциге 25-30 ноября того же 1957 г. первой научной сессии Советско-германской комиссии историков, явившейся фактически продолжением первой. В работе сессии приняли участие около 500 историков из 12 стран: СССР, ГДР, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании, Франции, Италии, Австрии и Японии. Эта сессия-конференция имела обсудить две проблемы: а) влияние Октябрьской революции на Германию и б) основные направления «реакционной» историографии по вопросам второй

¹⁰⁸ В. Д. Корольк, И. С. Миллер, О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863-1864 годов, «Новая и новейшая история», № 5, 1958, стр. 179.

¹⁰⁹ Соглашение о научном сотрудничестве между историками СССР и ГДР, «Вопросы истории», № 3, 1957, стр. 193-194.

¹¹⁰ Там же; Г. Ф. Хромушина, Третья сессия комиссии историков СССР и Германской демократической республики, «Новая и новейшая история», № 5, 1958, стр. 173-177; Б. Г. Тартаковский, Третья сессия комиссии историков СССР и ГДР, «Вопросы истории», № 8, 1958, стр. 195-197.

¹¹¹ Международная конференция институтов и комиссий по истории коммунистических и рабочих партий, «Новая и новейшая история», № 2, 1958, стр. 187.

мировой войны. Однако она далеко переросла рамки своей программы, занявшись политической манифестацией «за дело мира», критикой и нападками на западную историческую науку. Кроме того, на ней советская делегация отстаивала советскую точку зрения на события кануна и времен второй мировой войны и дала одновременно с этим указания историкам стран «народной демократии», как они в дальнейшем должны интерпретировать исторические события, писать историю своих стран и бороться с проявлениями буржуазной идеологии как в собственных странах, так и в странах свободного мира¹¹². Не случайно поэтому, что на этой сессии было принято Обращение ко всем прогрессивным историкам мира с призывом поднять «знамя борьбы за мир», против милитаризации Западной Германии и «американского империализма»¹¹³, а 29 мая 1958 г. Политбюро коммунистической партии Восточной Германии должно было принять решения к тезисам о 40-й годовщине Ноябрьской революции в Германии, в которых, обсудив «ошибочные взгляды части историков о социалистическом характере революции», возвратилась к постановлению Партийного правления СЕПГ о Ноябрьской революции от 16 сентября 1948 года, оценивавшему эту революцию как революцию буржуазно-демократического характера¹¹⁴, так как социалистическими могут считаться только Октябрьская революция в России или преобразования, которые произошли в странах Средней Европы после второй мировой войны.

Одновременно с внешнеполитическим закрепощением исторической науки в странах «народной демократии» последовали также открытые нападки Советского Союза на историков этих стран. Так, в конце 1957 г. КПСС обрушилась на венгерских историков, обвиняя их в контрреволюционных выступлениях, в отрицании достижений исторической науки Венгерской народной Республики, в националистических отклонениях и в том, что они говорят даже о провале марксистской историографии в Венгрии. «Однако хорошо известно, что за короткий срок молодая марксистская историография Венгерской Народной Республики достигла серьезных успехов. Она дала новую, научно обоснованную периодизацию истории Венгрии, по-новому осветила многие яркие страницы героического прошлого венгерского народа, создала первые марксистские учебные пособия по истории и т. д.»¹¹⁵, — заключали советские авторы В. Л. Израэлян и Н. Н. Николаев.

¹¹² Обсуждение актуальных проблем новейшей истории, «Вестник АН СССР», № 2, 1958, стр. 62-64; Б. Г. Тартаковский, Первая научная сессия комиссии историков СССР и ГДР в Лейпциге, «Новая и новейшая история», № 2, 1958, стр. 170-185.

¹¹³ Б. Г. Тартаковский, Первая научная сессия комиссии историков СССР и ГДР в Лейпциге, «Новая и новейшая история», № 2, 1958, стр. 184.

¹¹⁴ Вальтер Ульбрихт, О характере ноябрьской революции, «Вопросы истории», № 8, 1958, стр. 63.

¹¹⁵ В. Л. Израэлян, Н. Н. Николаев, Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года, там же, № 12, 1957, стр. 74.

Затем последовали подобные обвинения против югославских и польских историков. На состоявшейся 13-14 мая 1958 г. сессии Отделения исторических наук Академии наук СССР по борьбе с ревизионизмом говорилось следующее: «В некоторых статьях, книгах и сборниках встречались националистические и ревизионистские попытки подвергнуть пересмотру важнейшие марксистско-ленинские оценки по ряду вопросов польской истории, в особенности польского рабочего движения, связей русского и польского революционного движения, советско-польских отношений. В некоторых публикациях... делались попытки теоретически доказать наличие «кризиса», якобы переживаемого современной польской наукой. Как и в старой Польше, начали проявляться тенденции низкопоклонства перед западной буржуазной наукой и негативное отношение к достижениям советской исторической науки... Известно, например, что решающим условием возникновения в 1918 году самостоятельного польского государства была Великая Октябрьская социалистическая революция, провозгласившая независимость Польши... В период оживления в ПНР ревизионистских элементов вновь стали появляться тенденциозные и несостоятельные издания, в которых замалчивалась или извращалась роль Октябрьской революции в деле установления независимости Польши в 1918 году»¹¹⁶. Польские историки должны таким образом признавать большевистский поход на Варшаву в 1920 г., новый советско-германский раздел Польши в 1939 г. и, наконец, ее покорение советской армией в 1944 г. историческими и революционными связями, решающими условиями и дружественными советско-польскими отношениями. Приступая к совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863-1864 гг., Советско-польская комиссия историков сразу же сообщила, что в основу этой своей работы она положит принцип освещения «...важнейших проблем развития прогрессивной идеологии, революционных связей польского народа и народов СССР, революционной борьбы масс, а не тот круг вопросов, который искусственно выпячивался дворянско-буржуазной националистической историографией в России и Польше»¹¹⁷.

В национальных республиках СССР после некоторой «оттепели» и временного облегчения условий работы национальных историков борьба партии с малейшими проявлениями национализма почувствовалась уже в 1956-1957 г. В Украинской ССР ее симптомы проявились в начале декабря 1956 г. на партийном собрании писателей Киева, когда было решено принять радикальные меры против части украинских писателей и исключить некоторых из них из партии за «стремление подорвать дружбу между народами» СССР¹¹⁸. В Белорусской ССР она ознаменовалась опубликованием в органе компартии БССР

¹¹⁶ В. Н. Балашов, Сессия отделений общественных наук АН СССР по борьбе с современным ревизионизмом, там же, № 7, 1958, стр. 185.

¹¹⁷ В. Д. Королюк, И. С. Миллер, указ. статья, стр. 179.

¹¹⁸ За высокую идейность и художественное мастерство украинской советской литературы, «Правда», 4. 12. 1956.

«Звезда» от 12 января 1957 г. директивной статьи историков Л. Абецдарского и А. Сидаренко «За идейную чистоту наших литературных позиций», в которой в острой форме осуждались стремления белорусских писателей и историков пересмотреть прежние положения советской историографии по вопросам культуры и истории белорусского народа. После появления этой статьи сразу же был изменен состав редакционной коллегии органа белорусских писателей «Літаратура і мастацтва», на страницах которого выступали осуждаемые авторы. После этого в республиканской печати и особенно на пленумах и съездах писателей всех национальных республик СССР все чаще и сильнее начала ощущаться антинационалистическая кампания КПСС, которая, между прочим, стремится связать теперь все национальные требования народов СССР с проявлениями прямой «агентуры иностранного империализма». Как пример подобных партийных обвинений можно привести слова первого секретаря коммунистической партии Белоруссии К. Т. Мазурова, произнесенные на 3-м пленуме Союза писателей БССР в марте 1957 г. Он тогда заявлял: «Буржуазные националисты — изменники Родины — являются злейшими врагами строительства социализма в нашей стране. Они являются агентурой американского империализма. Националистов — этих предателей своего народа — американская разведка использует в своих грязных делах. Поэтому нам нужно быть бдительными и давать решительный отпор всяческим проявлениям буржуазного национализма»¹¹⁹. Как видим, современное определение «буржуазного национализма» ни в чем не отличается от его определений в сталинские времена. По отношению к Белоруссии этот советский тезис был введен потом в тезисы «О 40-лети БССР»¹²⁰ и проявился с исключительной силой в 1958-1959 гг. во время празднования 40-летия Белорусской ССР¹²¹.

Во всесоюзном масштабе на проявление «националистических тенденций» в национальных республиках центральная печать обратила внимание в связи с обнародованием постановления ЦК КПСС об ошибках журнала «Вопросы истории». Об этом уже говорилось выше. Потом этим вопросом в начале 1958 г. занялся Московский государственный университет, организовав 18 февраля и 4 марта теоретические семинары кафедры истории СССР периода капитализма по обсуждению доклада проф. С. К. Бушуева на тему «Против буржуазной и ревизионистской фальсификации истории народов Кавказа». Как доклад С. К. Бушуева¹²², так и семинары были посвящены главным образом рассмотрению англо-американской и турецкой историографии, а также работ кавказских эмигрантов по вопросам истории кавказско-рус-

¹¹⁹ Третий пленум Союза писателей БССР, «Советская Белоруссия», 21. 3. 1957.

¹²⁰ Літаратура і мастацтва, 9. 4. 1958, Минск.

¹²¹ По этому вопросу см. республиканскую печать конца 1958 и начала 1959 гг.

¹²² С. К. Бушуев скончался 23. 8. 1958 г. См. «Семен Кузьмич Бушуев» в «Вестнике Московского университета», № 3, 1958, стр. 209-210.

ских и кавказско-турецких отношений, но здесь был затронут также коренной вопрос истории кавказских народов вообще и проявились партийные нападки против отдельных советских историков, в частности А. М. Пикмана, В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова и Г. Д. Даниялова, которые, руководствуясь постановлениями XX съезда КПСС, выступили во время «оттепели» с критикой прежних концепций советской историографии в освещении истории народов Кавказа. Именно, в процессе своей работы участники семинаров пришли к заключению, что борьба кавказских народов против русского колониализма, являясь «мюридистским движением» «протурецкой ориентации», была в основных своих чертах реакционным явлением. Это означает возвращение советской исторической науки к прежним концепциям в оценке национально-освободительных движений на Кавказе или к их определению как акций иностранной агентуры, о чем свидетельствует, между прочим, принятое решение об использовании материалов данных семинаров в педагогической работе. Кроме того, участники одного из семинаров осудили вышеназванных советских историков за их «стремление пересмотреть уже решенные и бесспорные вопросы науки», призвав одновременно всех советских историков обратить особое внимание на изучение «прогрессивной стороны» вхождения горцев Кавказа в состав России¹²³.

Подобное же осуждение проявления «буржуазной идеологии» и «буржуазного национализма» в историографии других народов СССР последовало в конце мая 1958 г. на Киевской научной сессии работников гуманитарных наук Украины, Москвы, Ленинграда, Белоруссии и Молдавии¹²⁴ и особенно на сессии Отделения исторических наук Академии наук СССР, созданной в Москве в конце июня этого же 1958 г. для обсуждения теоретических проблем строительства коммунизма в СССР. На последней сессии вопроса о проявлениях национализма среди народов Средней Азии коснулся в своем докладе директор Института востоковедения Академии наук СССР Б. Г. Гафуров. Отметив, что это явление находит свое выражение «в идеализации исторического прошлого, в некритическом отношении к различным движениям, в забвении принципа партийности при освещении ряда вопросов культуры, литературы и искусства», Б. Г. Гафуров призвал советских историков принять активное участие в воспитании народов «в духе патриотизма и пролетарского интернационализма», в разоблачении «теории и практики империализма в области национального вопроса». Правда, Б. Г. Гафуров не стал излагать теорию «советского всенародного патриотизма», но последний уже определяется его осуждением проявлений «буржуазного национализма» лишь в среде нерусских народов, его отрицанием наличия ущемлений национальных традиций и культуры в Советском Союзе и, наконец, его утверждением, что националь-

¹²³ В. А. Федоров, Против фальсификации истории народов Кавказа, там же, стр. 232-236.

¹²⁴ Научная сессия по теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР, «Вестник АН СССР», № 9, 1958, стр. 44-46.

ный вопрос в СССР разрешен окончательно и навсегда¹²⁵. Но этот призыв к воспитанию народа в духе «советского патриотизма» будет означать возвращение к фальсификации их национальной истории.

Таким образом в национальном вопросе, особенно на историографическом фронте, партия начала возвращаться к практике сталинских времен, т. е. к положениям существовавшим до XX съезда КПСС. Об этом свидетельствуют, между прочим, директивы XXI съезда партии по национальному вопросу, отразившиеся особенно в выступлении Н. А. Мухитдинова. Последний отмечал на съезде: «Национальная ограниченность кое-где дает о себе знать и в области литературы, искусства, исторической науки. Отдельные работники вопреки объективной истине, идеализируя феодальное прошлое, рассматривали наследие национальной культуры с позиции антимарксистской теории «единого потока». . . Пережитки национализма в нашей стране уже давно не носят массового характера, ибо они не имеют у нас социальных, политических и экономических корней. Но нельзя недооценивать тлетворного влияния империалистической пропаганды, стремящейся возродить и поддерживать в сознании отдельных отсталых людей пережитки капитализма. Поэтому борьбу с пережитками прошлого, особенно националистического характера, нужно вести постоянно и неослабно. . .»¹²⁶. Об этом свидетельствуют, наконец, положения XXI съезда КПСС о построении коммунизма в СССР и воспитании нового советского человека, человека коммунистического общества.

В связи с этими попытками партии побороть «националистические» отклонения в странах «народной демократии» и ее борьбой с проявлениями «буржуазного национализма» в национальных республиках СССР следовало бы спросить, имеется ли в Советском Союзе наличие партийной борьбы с проявлениями русского «буржуазного национализма» и как обстоит дело теперь с прежним русским историографическим патриотизмом. Относительно первого явления следует сказать, что такой борьбы партии в Советском Союзе не замечается, а русский историографический патриотизм существует и даже пользуется покровительством КПСС. Это видно хотя бы из того, что, во-первых, в Советском Союзе не запрещено советским историкам заниматься всесторонним исследованием прошлого России, истории культуры русского народа. Другие народы СССР этих преимуществ не имеют. Исследования по истории этих народов очень ограничены и заключены в определенные рамки. Исследования по истории русского народа, наоборот, поощряются и пользуются более расширенными рамками, в большинстве случаев даже рамками националистического характера. Во-вторых, в советской исторической науке существует тенденция к обобщению истории всех народов СССР, тенденция привести эту историю к общему знаменателю, слить ее с потоком истории русского народа. В-третьих,

¹²⁵ Ю. Б. Васильев, Научная сессия по теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР, «Вопросы истории», № 9, 1958, стр. 183-184.

¹²⁶ Речь Н. А. Мухитдинова, «Правда», 31. 1. 1959.

советская историческая наука и пропаганда ничуть не отказываются от нарочитых и подчеркнутых определений русского народа как «великого» народа и народа «великого ума», как «покровителя угнетенных народов», чего не делается по отношению к другим нациям СССР. В-четвертых, советская историческая наука попрежнему пропагандирует русское «превосходство» над другими народами во всех областях жизни и утверждает «историческую закономерность» в развитии Российской империи.

Как известно, после XX съезда КПСС, в течение 1956 г. на страницах республиканских и центральных исторических журналов отдельные советские историки пытались восстановить некоторое национальное равенство, осуждали прежнее национальное низкопоклонство и русский историографический псевдопатриотизм, но в начале 1957 г. подобные попытки советских историков партия стала именовать или «буржуазно-националистическими» отклонениями, «антимарксизмом» и «ревизионизмом», или даже «антипатриотизмом» с отходом от «ленинского» принципа партийности. Одновременно с этим последовало оправдание тех историков — «патриотов», работы которых в 1956 г. подверглись критике. Не говоря уже об оправдании академика Б. Д. Грекова, который, кстати, заслуживал этого, был оправдан, например, и зачислен в первые ряды советских историков академик Р. Ю. Виппер¹²⁷, прославлявший в свое время абсолютизм, деяния и гений Ивана Грозного. Другие из них были взяты под защиту центральными историческими журналами, начавшими печатать на своих страницах их «письма в редакцию» или критические «статьи-опровержения». Например, редакция журнала «Вопросы истории» взяла под защиту профессора А. А. Строкова, поместив в номере 5-м журнала за 1958 г. свое замечание к «письму в редакцию» последнего. Данный автор в 1956 г. подвергался критике¹²⁸ за исследование «История военного искусства». В этом труде А. А. Строков, начальник кафедры истории войны и военного искусства Военной академии имени В. И. Ленина, доказывал, что в России все было продуктом русского гения: огнестрельное оружие и порох самостоятельно изобретены на Руси, русская военная теория носила самобытный характер и далеко превосходила своей гениальностью западноевропейскую. Таким образом, русскому военному искусству нечего было заимствовать у Запада. Русские вооруженные силы на всех этапах развития были наделены высокими качествами. В доказательство этого безусловного превосходства русской армии и военного искусства автор ссылался лишь на удачные военные действия и на военные уставы, замалчивая при этом их западноевропейское происхождение. Поэтому А. Н. Кочетков, рецензент выше указанного исследования, отмечает, что «в труде А. А.

¹²⁷ Научные сессии и заседания, посвященные 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «Новая и новейшая история», № 1, 1958, стр. 196.

¹²⁸ А. Н. Кочетков. Некоторые вопросы истории военного искусства, «Вопросы истории», № 8, 1956, стр. 141-150.

Строкова наглядно проявился упрощенческий, антиисторический подход, характерный для многих работ, вышедших в последнее время»¹²⁹. Теперь, солидаризируясь с письмом-протестом А. А. Строкова, в котором критика его труда была определена как стремление «опошлить русское военное искусство», редакция журнала «Вопросы истории», отметив только, что в работе А. А. Строкова «История военного искусства» имелись некоторые погрешности второстепенного характера или «классовой неопределенности» явлений, всецело обрушивается на рецензента, заявляя в заключении, что «прежняя редколлегия журнала допустила ошибку, опубликовав рецензию А. Н. Кочеткова. Публикация этой путанной и тенденциозной рецензии причинила ущерб научному освещению истории русского военного искусства и объективно принижала его. Тем самым искажались патристические традиции нашего народа, его достижения в развитии отечественной и мировой военной мысли»¹³⁰. Такого же характера была контркритика С. Ф. Кечекьяна¹³¹ по адресу появившейся в 1956 г. рецензии А. И. Казарина на книгу «История политических учений»¹³². Но партия не ограничивается только этими замечаниями и перестрелкой советских критиков и рецензентов. Она идет дальше этого, открыто раскрывая сущность своего советского патриотизма. Например, излагая перед народом принципы советской национальной политики, секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Горбунов должен был сделать следующее признание в начале 1957 г.: «... Все народы в СССР равноправны и свободны. В то же время в конкретных условиях нашей страны закономерным является процесс объединения народов вокруг великого русского народа. Еще Энгельс отмечал высокие качества русского народа, как «великого и высокоодаренного народа». Русский рабочий и крестьянин, — говорил В. И. Ленин в 1917 году, — на деле становится во главе всех угнетенных народностей. Русский народ является той силой, которая под руководством Коммунистической партии цементирует дружбу советских народов, сплавливает их под знаменем пролетарского интернационализма. Своими великими делами, ясным умом, щедрым сердцем и братским отношением к другим народам русский народ завоевал всеобщее уважение и горячую признательность всех народов СССР и всего прогрессивного человечества»¹³³. Подобных примеров возвеличивания русского народа с умалчением об иных нациях СССР можно привести весьма большое количество в речах советских партийных деятелей и советской печати, особенно в советской исторической и пропагандной литературе,

¹²⁹ Там же, стр. 150.

¹³⁰ О письме в Редакцию А. А. Строкова, «Вопросы истории», № 5, 1958, стр. 221.

¹³¹ С. Ф. Кечекьян, Некоторые вопросы методологии истории политических учений, там же, № 7, 1958, стр. 109-119.

¹³² А. И. Казарин О вульгарно-социологических ошибках в исследовании истории политических учений, там же, № 8, 1956, стр. 129-141.

¹³³ Т. Горбунов, Могучая жизненная сила ленинской национальной политики, «Коммунист Белоруссии», № 4, Минск, 1957, стр. 14.

посвященной годовщинам присоединения нерусских народов к России, а также годовщинам восстановления советской власти в той или иной национальной республике. Но это является свидетельством открытой советской национальной дискриминации. Далее, делая упрек западным «буржуазным» критикам советской системы, в начале 1958 г. директивная статья «Сплоченность и единство международного коммунистического движения» заключала в себе следующее заявление: «... Оказывается, буржуазным политикам и ученым весьма импонировало то обстоятельство, что в некоторых ранее опубликованных ошибочных статьях журнала... глушилась патриотическая линия в русской истории и принижалась роль русского народа в развитии мировой науки, техники и общественной мысли, в кривом зеркале изображались некоторые вопросы истории КПСС и советского общества»¹³⁴. Этими установками руководствовался также и С. К. Бушуев, представляя, как уже отмечалось выше, свой доклад «Против буржуазной и ревизионистской фальсификации истории народов Кавказа» на обсуждение семинара кафедры истории СССР Московского университета. Действительно, в этом докладе отразилась тенденция к принижению исторической роли кавказских народов и преувеличению роли русского народа. В нем С. К. Бушуев неоднократно останавливался над тезисом «закономерного роста» Русского государства, подчеркивая в то же время ту «большую роль», которую сыграли русский народ и его культура в исторических судьбах других народов СССР¹³⁵. Наконец, стремясь расположить к себе советское общество, вызвать у него патриотические чувства к «социалистической Родине» и ее правительству, в конце 1958 г. в директивной статье «Нерушимое единство партии и народа» партия поспешила сделать следующее признание, далеко не отвечающее принципу пролетарской солидарности и интернационализма: «В И. Ленин вскрыл всю глубину грозившей России в годы первой мировой войны катастрофы, показал неразрывную связь интересов Родины, ее свободы и национальной независимости с победой демократической и социалистической революции. Вопрос стоял так и только так: либо Россия, ее трудовые массы во главе с пролетариатом и его ленинской партией добьются победы над помещиками и капиталистами, и тогда будет обеспечена свобода, независимость и великое будущее Родины, либо у власти останутся эксплуататоры, и тогда неизбежны национальная катастрофа, полная потеря национальной независимости страны и превращение ее в колонию, в данницу империализма. Под руководством Коммунистической партии этот исторический вопрос был решен так, как требовали интересы Родины. Большевики взяли судьбы страны в свои руки и оказались достойными выпавшей на их долю освободительной миссии... Приведа в одной из своих статей известные слова великого русского поэта Некрасова о старой Руси как стране

¹³⁴ Сплоченность и единство международного коммунистического движения (передовая), «Вопросы истории», № 1, 1958, стр. 19.

¹³⁵ В. А. Федоров, указ. статья, стр. 232-234.

убогой и обильной, могучей и бессильной, В. И. Ленин выразил непоколебимую решимость Коммунистической партии и советского народа добиться во что бы то ни стало, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной. И эта Русь, Русь социалистическая, была создана героическими усилиями советского народа, руководимого Коммунистической партией. В ходе борьбы за социализм столкнулись два курса, две политики — Коммунистической партии и антипартийных сил: троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и другой нечисти. Если партия отстаивала интересы социалистического Отечества, то оппортунисты действовали вопреки этим интересам...»¹³⁶. Как видим, здесь не только не осталось и тени от принципа «многонационального государства равноправных наций», которым должен был бы быть СССР, но и отсутствует также та марксистская «всемирная пролетарская революция», во имя которой осуществлялся большевистский переворот в 1917 году. Советский Союз есть продолжение истории Руси-России, сама Россия. Не иначе, так как в центре внимания стояли и стоят интересы и только интересы России — «могучей» и «обильной», «национально» независимой. За такое будущее России боролись Ленин и его коммунистическая партия, сметая на пути всех врагов этого ее будущего — «троцкистов», «буржуазных националистов» и другую подобную им «нечисть», стремящихся затормозить «великий путь» исторического развития России, расчленив ее на отдельные «национальные районы», толкнуть Россию на путь «неизбежной национальной катастрофы». Таково признание, последовавшее накануне «строительства коммунизма». Хочет ли этого партия или нет, но посредством подобного воспитания народа в духе советского патриотизма она пропагандирует великодержавный русский шовинизм.

5. СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ И СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТА ХРУЩЕВА

1958 год в жизни советского общества официально признается годом окончательной победы социализма в СССР и начала строительства коммунизма. Эта позиция не могла не отразиться также на развитии советской исторической науки. Она была в особенности призвана теперь всесторонне освещать и пропагандировать советские преобразования.

Московской декларацией коммунистических партий в ноябре 1957 г. Советский Союз восстановил свой авторитет в общем коммунистическом блоке, но этого соглашения ему еще было недостаточно, чтобы почувствовать себя действительным хозяином положения. Югославия вовсе отказалась следовать советскому опыту в строительстве социализма. Начали назревать также разногласия и в советско-китайских отношениях. С другой стороны, весь коммунистический блок был по-

¹³⁶ Нерушимое единство партии и народа (передовая), там же, № 12, 1958, стр. 5-6.

трясен разногласиями идеологического характера, поставившими под сомнение советскую идеологию и советскую социально-политическую систему. В этих условиях политической и идеологической борьбы потребовались новые «социалистические открытия», которые могли бы обосновать советские притязания на руководящую роль в коммунистическом мире и оправдать пропагандируемое превосходство советской социальной системы. Но с начала 1958 г. партия усиливает свою борьбу против так называемого современного ревизионизма, явившегося главной опасностью для советской политической и социальной системы и советского авторитета. В первую очередь эта борьба партии с ревизионизмом носит характер публицистической кампании, отражаясь главным образом в директивных статьях советских исторических и идеологических журналов¹³⁷, но позже она приобретает характер академического решения вопроса в научных учреждениях и на конференциях. Так, в апреле 1958 г. в Московском университете была созвана первая теоретическая конференция, рассмотревшая задачи борьбы с ревизионизмом¹³⁸, а в середине мая научная сессия «по борьбе с ревизионизмом» в Отделении исторических наук Академии наук СССР¹³⁹, наконец, в июне Всесоюзная конференция в Академии общественных наук при ЦК КПСС¹⁴⁰. Этим вопросом занималась также научная сессия представителей гуманитарных наук РСФСР, Украины, Белоруссии и Молдавии, созванная в Киеве в конце мая 1958 года¹⁴¹. Обсудив характер, историю и причины возникновения «современного ревизионизма», вышеуказанные сессии и конференции пришли к заключению, что современный «ревизионизм» не имеет ничего общего с объективным анализом советской системы и есть неоправданная клевета на Советский Союз и его коммунистическую партию, попытки ревизии марксизма-ленинизма. Возник он якобы в силу обострения международных отношений, в условиях оживленной деятельности «международной реакции», из-за «некоторых ошибок» в деятельности прежнего руководства в странах «народной демократии». Основные направления и пороки этого ревизионизма заключались в том, во-первых, что ревизионисты стремились затушевать агрессивную сущность империализма, преуменьшить опасность новой мировой войны, «подготавливаемой международными агрессивными силами во главе с США»; во-вторых, они отрицали законы развития буржуазного общества, утверждая, что «современный капи-

¹³⁷ Сплоченность и единство международного коммунистического движения (передовая), там же, № 1, 1958, стр. 3-21.

¹³⁸ А. Т. Маслова, Теоретическая конференция по вопросам борьбы с ревизионизмом, «Вестник Московского университета», № 3, 1958, стр. 229-232.

¹³⁹ Научная сессия по вопросам борьбы с ревизионизмом, «Вестник АН СССР», № 7, 1958, стр. 58-63; В. Н. Балашов, указ. статья, стр. 171-190.

¹⁴⁰ А. И. Пулях, Неуклонно разоблачать происки современного ревизионизма, «Вопросы истории», № 9, 1958, стр. 195-208.

¹⁴¹ Научная сессия по теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР, «Вестник АН СССР», № 9, 1958, стр. 44-46.

тализм приобрел новые качества и свойства, избавляющие его от кризисов и делающее возможным справедливое распределение доходов различных классов; в-третьих, ревизионисты игнорировали основные законы классовой борьбы, защищая сотрудничество классов и возможность постепенного превращения капитализма в социализм в результате развития производительных сил и демократизации экономики, считая правомерными парламентарные и профсоюзные формы борьбы в продвижении к социализму; в-четвертых, они выступали против руководящей и направляющей роли коммунистических партий, стремясь к ликвидации этих партий и замене их беспартийными ассоциациями; в-пятых, они сползали на позиции социал-демократии, пытаясь затушевать принципиальные, коренные различия между программами и политическими установками коммунистических партий и взглядами правых социалистов; в-шестых, ревизионисты отрицали всеобщую применимость ленинской теории диктатуры пролетариата, извращая ее классовую сущность и функции, отрицали превосходство социалистической демократии над буржуазной; в-седьмых, они стремились пересмотреть ленинские принципы построения коммунистических партий, отказывались от демократического централизма, требуя свободы фракций и группировок; в-восьмых, ревизионисты отходили от пролетарского интернационализма, переходя на позиции национального коммунизма и отказываясь развивать и укреплять связи между всеми коммунистическими партиями. В странах «народной демократии» этот ревизионизм проявился главным образом, во-первых, в попытках ослабить руководящую роль коммунистических партий, свести ее к политико-просветительным функциям; во-вторых, в стремлениях подорвать диктатуру пролетариата под лозунгом того положения, что социализм можно построить без классовой борьбы, без преодоления сопротивления антисоциалистических сил; в-третьих, в преувеличении национальных особенностей, разжигании националистического эгоизма и игнорировании общих закономерностей строительства социализма; в-четвертых, в противопоставлении одних стран другим социалистическим странам, в стремлениях подорвать их единство; в-пятых, в распространении инсинуаций и измышлений по адресу Советского Союза, в отрицании руководящей роли КПСС и Советского Союза во всемирном коммунистическом движении. Советский Союз и его коммунистическая партия, свято храня чистоту марксизма-ленинизма, безошибочно следуют по пути строительства социализма и коммунизма. Поэтому борьба с проявлениями ревизионизма и нападка на советскую систему остается первоочередной задачей Советского Союза, его коммунистической партии и всех деятелей советской общественной науки, главным образом советских историков, философов и экономистов.

Таким образом, на этих конференциях не только был «разоблачен» современный ревизионизм, реорганизована советская идеологическая борьба с ним, но также был разрешен вопрос о социалистическом строительстве в СССР, которое признается уже законченным. Придя к

этому последнему заключению, в конце июня 1958 г. советское научное руководство созвало научную сессию Отделения исторических наук Академии наук СССР¹⁴² «по теоретическим проблемам строительства коммунизма». Именно на этой сессии в категорической форме было объявлено о завершении первого этапа коммунистического строительства в Советском Союзе и о переходе советского общества от социализма к строительству коммунизма¹⁴³. XXI съезд КПСС, который проходил уже под лозунгом развернутого строительства коммунизма в СССР, только развил прежний тезис партии.

В связи с этим заключением, говорящим об историческом событии всемирного масштаба и сделанным с целью закрепления за Советским Союзом всемирного авторитета, дающего право на руководящую роль в коммунистическом блоке, и, отчасти, с намерением ослабить внутренние советские противоречия, а также в связи с предписанной борьбой против ревизионизма не могли не последовать также и изменения в задачах советских историков. Они теперь, как отмечал в своем докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев, «... призваны глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе... всесторонне анализировать важнейшие процессы, происходящие в капиталистическом мире, разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории»¹⁴⁴. Как можно заключить из этого заявления, предстоящие задачи советских историков, как и экономистов и философов, сводятся в основном к разрешению двух главнейших проблем: к освещению советского шествия к коммунизму и к борьбе с «буржуазной» идеологией. Последняя включает в себя также борьбу с ревизионизмом и защиту принципа ленинской партийности в исследованиях, исключающего малейшую свободу в творчестве и возможность научной интерпретации исторических событий и явлений. В первом направлении советские историки призваны, как предусмотрено новым семилетним планом и планом их работы на 1959 г., обратить внимание на разработку и освещение следующих главнейших вопросов: пути стирания классовых различий; коммунистическое строительство в СССР и национальный вопрос; развитие морально-политического единства советского народа; противоречия социализма и пути их разрешения при переходе к коммунизму; закономерности развития социалистической культуры и быта в период постепенного перехода от социализма к коммунизму¹⁴⁵; история и успехи коммунистического строительства в СССР. Во втором направле-

¹⁴² Это была, вернее, Всесоюзная конференция, т. к. кроме научных работников АН СССР, в работе этой сессии участвовали также экономисты, философы, историки, юристы и литературоведы Москвы, Ленинграда и национальных республик.

¹⁴³ Ю. Б. Васильев, указ. статья, стр. 176-195.

¹⁴⁴ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы, «Правда», 28. 1. 1959.

¹⁴⁵ Ю. Б. Васильев, указ. статья, стр. 194.

нии советские историки должны усилить борьбу против реакционной буржуазной историографии, против реформизма и ревизионизма; разоблачать внешнюю и внутреннюю политику западных государств, теорию неокOLONиализма, буржуазные извращения сущности советского общественного и государственного строя; освещать международное значение хозяйственных успехов Советского Союза и прежде всего значение для народов стран социалистического лагеря 7-летнего плана в СССР и историю возникновения и развития мировой социалистической системы¹⁴⁶. Например, основными элементами плана научно-исследовательских работ институтов Отделения исторических наук Академии наук СССР на 1959 год являются: 1) история социалистического строительства в СССР, включающая такие проблемы, как «история Великой Октябрьской социалистической революции», «история социалистического строительства в СССР», «история внешней политики Советского Союза» и «история культуры и искусства народов СССР в эпоху социализма»; 2) история и история культуры народов СССР с древнейших времен до советской эпохи, включающие проблемы: «история первобытно-общинного и рабовладельческого строя на территории СССР», «вопросы этногенеза и этнического состава народов СССР», «генезис феодализма на территории СССР», «история сельского хозяйства, крестьянства и крестьянских движений в России», «генезис капитализма на территории СССР», «внешняя политика России до эпохи империализма», «исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» и «история до-революционного искусства народов СССР»; 3) история и история культуры социалистических стран Европы и Востока, включающие проблемы: «возникновение и развитие народной демократии в социалистических странах Европы и Востока», «исторические и культурные связи между народами СССР и народами других социалистических стран в прошлом и настоящем» «социалистическая культура стран народной демократии»; 4) новейшая история стран Азии и Африки, включающая проблемы: «кризис и распад колониальной системы империализма», «значение Африки в колониальной системе империализма и национально-освободительная борьба африканских народов», «экономическое, политическое и культурное развитие стран Востока, вступивших на путь независимости» и «этнический состав и этнические особенности народов Африки и Азии»; 5) история капиталистических стран в период общего кризиса капитализма, включающая проблемы: «история второй мировой войны», «новейшая история капиталистических стран Европы, Америки и Японии» и «искусство стран Западной Европы, Америки и Японии в период общего кризиса капитализма»; 6) история социализма и международного рабочего движения, охватывающая проблемы: «история социалистических идей и классовой борьбы пролетариата до общего кризиса капитализма» и «история международного рабочего движения в период общего кри-

¹⁴⁶ Великие итоги и великие перспективы, «Вопросы истории», № 1, 1959, стр. 18-20.

зиса капитализма»; 7) история докапиталистических обществ и генезис и развитие капитализма в зарубежных странах, что включает такие проблемы: «возникновение и развитие рабовладельческих отношений в странах Средиземноморья и Востока», «генезис феодальных отношений в странах Западной Европы и Азии», «история народов Западной Европы и Востока в период развития феодализма», «генезис капитализма в странах Западной Европы, Америки и Азии», «история народов зарубежных стран в период развитого капитализма»; 8) история общественной мысли, включающая проблемы: «основные вопросы марксистско-ленинской эстетики и теории искусства», «история религии и атеизма», «история исторической науки» и «история зарубежной культуры и искусства до эпохи империализма»¹⁴⁷. Однако как семилетний план научно-исследовательских работ Отделения исторических наук Академии наук СССР, так и планы работы его институтов на 1959 г., разработанные еще в течение 1958 г., в связи с директивами XXI съезда КПСС были подвергнуты доработке с целью включения в эти планы большего количества тем из современной проблематики и аннулирования проблем исторического значения¹⁴⁸. В разработке этих вопросов истории и современности советские историки должны исходить из принципа ленинской партийности советской исторической науки, так как они «не беспристрастные регистраторы минувших дел и событий, но воинствующие борцы за коммунизм»¹⁴⁹.

В целях успешного выполнения этих задач, выдвинутых перед советскими историками, предусмотрено прежде всего строгое координирование работы всех советских историков и научно-исторических учреждений как во всесоюзном масштабе, так и в масштабах национальных республик. Уже созданы специальные центральные научные советы, которые должны организовать и возглавить комплексное исследование коренных вопросов исторической науки всего Советского Союза¹⁵⁰, а также, с целью расширения творческого контакта между работниками общественных и естественно-технических наук, предусмотрено создание общесоюзного координационного центра при Госплане СССР и координационных центров в республиках и экономических районах¹⁵¹. Вся работа по координации научных исследований в области истории и руководство ими возложены на Отделение исторических наук Академии наук СССР. В дальнейшем в этом Отделении будет проводиться также обсуждение и рецензирование трудов, написанных историками национальных республик¹⁵². С этой же целью в 1959 г. созываются: научная сессия Отделения историче-

¹⁴⁷ Ю. О. Бем, План научно-исследовательских работ Отделения исторических наук АН СССР на 1959 г., там же, № 2, 1959, стр. 199-208.

¹⁴⁸ Великие итоги и великие перспективы, там же, № 1, 1959, стр. 21.

¹⁴⁹ Великие преимущества социализма в действии, там же, № 2, 1959, стр. 20.

¹⁵⁰ Ю. О. Бем, указ. сообщение, стр. 199.

¹⁵¹ Ю. В. Васильев, указ. статья, стр. 194.

¹⁵² Ю. О. Бем, указ. сообщение, стр. 200.

ских наук Академии наук СССР и академий наук среднеазиатских республик по вопросу о «прогрессивных» последствиях присоединения Средней Азии к России; сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР и Академии наук Украинской ССР, посвященная 250-летию Полтавской битвы; сессия Института истории Академии наук СССР совместно с академиями наук Белорусской и Украинской ССР по проблеме борьбы с «буржуазными фальсификаторами» истории; сессия академий наук прибалтийских республик, Украины и Азербайджана по проблеме формирования рабочего класса в России; всесоюзное совещание арабистов-филологов и индологов; всесоюзная конференция китаеведов; сессия институтов славяноведения и мировой литературы Академии наук СССР по вопросам борьбы с ревизионизмом и др.¹⁵³ В этой связи предусмотрено также установление еще большей зависимости историков стран «народной демократии» от установок советской исторической науки. Как отмечалось выше, до сих пор советское научное сотрудничество с историками последних стран строилось по принципу соглашений. Указывалось также, что этот принцип был введен в течение 1957 г. и предусматривал координацию и взаимное согласование исследований, а также совместную разработку отдельных проблем и периодов истории или важнейших вопросов истории той или иной страны. Теперь «удельный вес» исследований, осуществляемых совместными усилиями ученых стран социалистического лагеря, согласно плану на 1959 г., значительно возрастает»¹⁵⁴. Таким образом, как свидетельствуют все эти партийные мероприятия, вопросы мировой истории, истории Советского Союза, национальных республик и стран «народной демократии» будут решаться в дальнейшем в центральных советских исторических учреждениях, в данном случае Отделением исторических наук Академии наук СССР. Историки стран «народной демократии» и особенно историки советских национальных республик станут еще более зависимыми в их работе, чем это было до сих пор.

Следовательно с XXI съездом КПСС советская историческая наука заключена в рамки, какие существовали до XX съезда партии. В некоторых отношениях эти рамки даже сужены по сравнению с периодом сталинского догматизма. Об этом свидетельствуют, кроме намеченной идеализации истории советского общества или «советского шествия к коммунизму», следующие уже указанные требования: идеализация внутренней и внешней политики Советского Союза, усиление советской борьбы с «буржуазной идеологией» и «ревизионизмом», усиление нападок на страны свободного мира, а также закрепощение развития исторической науки как в национальных республиках СССР, так и в странах «народной демократии» и, наконец, вновь введенный принцип ленинской партийности в советской исторической науке, который приобретает теперь исключительную силу и который делает из этой науки сугубо кастовую дисциплину и партийную апо-

¹⁵³ Там же, стр. 207-208.

¹⁵⁴ Там же, стр. 200.

логетику. Отсюда заключение президента Академии наук СССР академика А. Н. Несмеянова, сделанное во время работы XXI съезда КПСС: «Первоочередная задача исторической науки — отразить опыт Советского Союза и других социалистических стран, показать роль народа — творца истории и руководящую роль партии в коммунистическом строительстве. Исследования во всех областях общественных наук должны носить боевой, наступательный характер. Они должны быть направлены своим острием против реакционной буржуазной идеологии, против различных проявлений современного ревизионизма. Советская наука — партийная наука. Ее задача — служить строительству коммунизма...»¹⁵⁵. К этому еще следует присоединить положение, что «Коммунистическая партия Советского Союза является великим кормчим советского народа, его коллективным вождем, вдохновителем и организатором всей его деятельности»¹⁵⁶.

О повороте советской исторической науки к прежним ее идеологическим установкам и методологии свидетельствует также последовавшее упразднение выдвинутых XX съездом КПСС положений о мирном сосуществовании государств с различными социальными системами, об уважении к суверенитету и национальным особенностям в развитии каждого «социалистического» государства или республики, о культе личности и роли масс в истории, о мирных путях построения социализма, об отмирании государства, о роли национальной буржуазии, особенно национальной буржуазии восточных стран, в национально-освободительных движениях и национальном строительстве в каждой отдельной стране и т. д. Правда, большинство из этих положений было упразднено еще в конце 1957 г. известной декларацией московского совещания коммунистических партий. Упразднение других последовало во время проведения научных дискуссий по вопросам борьбы с ревизионизмом, по теоретическим проблемам строительства коммунизма и, наконец, во время работы XXI съезда КПСС. Здесь они получили оценку как антимарксистские положения, так как усыпляли бдительность партии в борьбе с «врагами социализма», отрицали историческую неизбежность насилия в социалистическом преобразовании мира и диктатуру пролетариата как орудие разрушения капиталистического мира, проповедывали национальную ограниченность вплоть до национального коммунизма и содействовали возрождению ревизионизма¹⁵⁷. Как видим, здесь уже получило отрицательную оценку также и положение о позитивной роли национальной буржуазии в национальных движениях восточных народов, которое было выдвинуто на XX съезде КПСС для народов зарубежного Востока и к которому так часто обращалась партия в течение 1956-1957 гг. Однако это положение было окончательно упразднено только

¹⁵⁵ Речь А. Н. Несмеянова, «Правда», 5. 2. 1959.

¹⁵⁶ XX съезд КПСС — историческое событие в жизни партии и народа (передовая), «Вопросы истории», № 3, 1959, стр. 4.

¹⁵⁷ В. Н. Балашов, указ. статья стр. 171-190; А. И. Пулях, указ. статья, стр. 195-208; Ю. В. Васильев, указ. статья, стр. 176-195 и др.

на XXI съезде новыми заявлениями по этому вопросу в докладе самого Н. С. Хрущева и выступлении представителя Узбекской ССР Н. А. Мухитдинова. Первый из них, касаясь «преследования» коммунистов в Объединенной Арабской Республике, открыто поддержал сторону коммунистических движений на Востоке, определяя эти движения как подлинно народные и национальные движения¹⁵⁸, а второй прямо заявил, что в ряде стран Востока стала усиливаться «реакция», т. е. национальные силы, в том числе и национальная буржуазия, которая, «вступив в сделку с империалистами», начала прибегать к преследованию коммунистов, этих «самых стойких и последовательных борцов за дело народа, за счастье человечества»¹⁵⁹. Это означает поворот к сталинскому определению роли национальной буржуазии, пролетариата и коммунистов в национальных движениях и национальной жизни страны. Как уже указывалось выше, по этому определению национальная буржуазия расценивалась как предатель народных и национальных интересов, а пролетариат и его коммунистические партии как единственно подлинные и последовательные борцы за национальное освобождение и национальную свободу того или иного народа и страны. На практике последнее положение нашло свое отражение в современной советской политике как по отношению к Ираку, так и вообще по отношению к народам Ближнего Востока и Африки.

После XX съезда КПСС партия неоднократно заявляла о том, что историю создают и двигают народные массы, а партия является лишь исполнителем воли народа. Но это сосуществование партии с народом длилось недолго. По окончании «оттепели» вновь последовали утверждения, что одна лишь партия способна познать законы истории и общественного развития и соответственно применить их к жизни общества. Таким образом, народ вновь отстраняется от истории, превращаясь в объект проводимых партией операций и экспериментов. «В своей деятельности партия опирается на массы. Однако партия не растворяется среди трудящихся, сохраняет свою организационную самостоятельность и руководящую роль, выступает как вполне сложившийся и постоянно действующий многомиллионный коллектив единомышленников-коммунистов со своими руководящими органами, программой и уставом, организационными, тактическими и теоретическими принципами, со своими законами и нормами внутрипартийной жизни... Она никогда не допускает снижения сознательности и организованности коммунистов до уровня отсталых групп и слоев трудящихся, стремится поднимать сознание и организованность масс до передового уровня партии... В Коммунистической партии воплощены ум, честь и совесть нашей эпохи...»¹⁶⁰. Так определено право партии распоряжаться судьбами народа. Имея в виду ограниченность

¹⁵⁸ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965, «Правда», 28. 1. 1959.

¹⁵⁹ Речь Н. А. Мухитдинова, «Правда», 31. 1. 1959.

¹⁶⁰ Нерушимое единство партии и народа (передовая), «Вопросы истории», № 12, 1958, стр. 4-5.

партийных кадров, градацию в самой партии, а также смысл «партийного воспитания» масс, здесь, конечно, не приходится много останавливаться над заявлением партии, что она «стремится поднимать сознание и организованность масс до передового уровня партии». Ясно, что подобное обособление партии от народа ведет одновременно и к неизбежному созданию кастового общества, к насилию над свободой действия и мысли, к закреплению творческой свободы, в том числе, и творческой свободы советских историков. XXI съезд КПСС узаконил это положение: «По мере дальнейшего разворачивания коммунистического строительства партия будет оказывать все большее воздействие на жизнь и деятельность советского социалистического общества, будет непрерывно возрастать ее значение как коллективного вождя и воспитателя народа. . .»¹⁶¹.

XXI съезд КПСС не остался в долгу перед советским обществом и в деле наделения его новым сверхчеловеческим гением, создания нового культа личности: вместо И. В. Сталина на высокий пьедестал поставлен теперь Н. С. Хрущев. Проявление культа личности Хрущева почувствовалось задолго до созыва съезда, еще со времени разгрома «антипартийной группы» Маленкова, Молотова и Кагановича. В процессе становления нового диктатора постепенно исчезло также положение о коллективном партийном руководстве, а борьба с культом личности Сталина стала свертываться и даже в большинстве случаев пресекаться. От советских историков потребовали одновременно теоретического обоснования нового культа, выступившего на XXI съезде с полной силой. В статье «XXI съезд КПСС — историческое событие в жизни партии и народа», опубликованной в 3-м номере журнала «Вопросы истории» за текущий год, вовсе отсутствует упоминание о коллективном руководстве, которое здесь подменено выражением «ленинский Центральный Комитет во главе с тов. Н. С. Хрущевым», и даже XXI съезд партии рассматривается по существу как второстепенное явление. В центре внимания лишь личность Н. С. Хрущева и его «богатейший по своему идейно-теоретическому содержанию» доклад, который, оказывается, «имеет поистине эпохальное значение». Как отмечается в указанной статье, «... он является важнейшим документом Коммунистической партии Советского Союза и всего коммунистического и рабочего движения на современном этапе. Этот замечательный документ проникнут ленинской глубиной и мудростью, представляет собой образец нераздельного единства теории марксизма-ленинизма и практики коммунистического строительства, обобщает гигантский жизненный опыт трудящихся Советского Союза и народов всего мира. Именно поэтому доклад Н. С. Хрущева приобрел исключительное значение и для Коммунистической партии Советского Союза, и для всех братских коммунистических и рабочих партий»¹⁶². Если в этой тираде имя Хрущева заменить именем Ста-

¹⁶¹ XXI съезд КПСС — историческое событие в жизни партии и народа (передовая), там же, № 3, 1959, стр. 27.

¹⁶² Там же, стр. 4.

лина, то получим образец прежних славословий. Но гений Хрущева здесь ставится даже выше гения Сталина, так как Хрущев «впервые в истории марксистской мысли» обосновал положение об условиях осуществления социалистического и коммунистического строительства в различных странах мира, о равномерности развития социалистических стран и одновременности перехода их к коммунизму; внес «ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма» своим положением об окончательной победе социализма в СССР; разработал такие важнейшие вопросы марксистско-ленинской теории, как положения о создании материально-технической базы коммунистического общества, о распределении в условиях социализма и коммунизма произведенных обществом материальных и духовных благ, о путях развития и сближения колхозной и общенародной форм социалистической собственности, о политической организации общества, о роли партии в этом обществе, о государственном устройстве и управлении в период развернутого строительства коммунизма¹⁶³. Большинство из этих положений Хрущева в действительности заимствованы у Сталина, но становление нового культа личности потребует от советской исторической науки и советских историков новых усилий и новых видов приспособленчества. Они об этом уже предупреждены: «Выдвинутые и разработанные в докладе Хрущева, и в резолюции XXI съезда теоретические положения по вопросам коммунистического строительства в СССР имеют крупнейшее методологическое значение в деятельности работников общественных наук, в частности советских историков. Эти положения должны стать руководящими для исследователей в области истории партии и Советского государства. Они вооружают их ясными и четкими установками о характере и закономерностях социалистического и коммунистического строительства, учат умению глубоко анализировать явления жизни, решительно бороться против рутины и косности в научной работе»¹⁶⁴.

Таким образом, советская историческая наука, сделав во время «оттепели» некоторое тактическое отклонение в сторону ее либерализации, вновь вернулась на прежний путь безропотного служения интересам КПСС. Таким был и остается в своих общих чертах крестный путь развития советской исторической науки. Подчиненная принципу партийности и исполняющая политические заказы, она имеет лишь единственный выбор — слепо следовать указаниям партии, не обращая внимания ни на какие нормы, которые требуются от исторической науки и должны быть ей присущи. Этой ее зависимостью и политичностью определяются все те изменения, зигзаги и повороты, о которых шла речь в нашей работе. Ими определяются также и присущие советской исторической науке искажения и фальсификация прошлого.

¹⁶³ Там же, стр. 21-25.

¹⁶⁴ Там же, стр. 25.

Автор настоящей работы У р б а н , Павел Константинович родился в Белоруссии. В 1954 г. окончил Отдел исторических наук Философско-литературного факультета Лювенского университета в Бельгии. В настоящее время является научным сотрудником Института по изучению СССР. Работает в области истории СССР и советской исторической науки .

СОДЕРЖАНИЕ

1. Становление сталинского догматизма	5
2. Период процветания сталинского догматизма и советского патриотизма	11
3. Период «оттепели» и зарождение историографического экспансионизма	19
4. Поворот к сталинским догмам	33
5. Современные задачи советских историков и становление культа Хрущева	47